

СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВ

СОКРОВИЩА

ВАЛЬКИРИИ.

ХРАНИТЕЛЬ СИЛЫ

Сокровища Валькирии

Сергей Алексеев

**Сокровища Валькирии.
Хранитель Силы**

«Алексеев Сергей»

2001

Алексеев С. Т.

Сокровища Валькирии. Хранитель Силы / С. Т. Алексеев —
«Алексеев Сергей», 2001 — (Сокровища Валькирии)

ISBN 978-5-17-089683-7

Со времен Петра государевы люди, не щадя себя, берегли в строжайшей тайне золото и ценные бумаги — неучтенную казну Российской империи. Служба СФС — специальных финансовых средств — сгинула в революционной смуте, но в конце Великой Отечественной войны неучтенная казна снова пополнилась: в руках последователей государевых людей оказались акции Веймарской республики — «бомба», способная взорвать экономику всей Европы. В наши дни журналист Андрей Хортов, собирающий материал о секретной экономической деятельности Коминтерна, неожиданно оказывается в гуще сражения за веймарский пакет. Но Андрея хранит Дара...

ISBN 978-5-17-089683-7

© Алексеев С. Т., 2001

© Алексеев Сергей, 2001

Содержание

1	5
2	18
3	34
4	49
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Сергей Алексеев

Хранитель силы

1

Коноплев не любил море, хотя более сорока лет жил на самом берегу и в осенние шторма волны докатывались до усадебной изгороди, а брызги и водяная пыль доставали кроны кипарисов и крышу дома. А порой накрывали сад, отчего фрукты и виноград вызревали солоноватыми, и отдельные сорта даже горькими.

Не зря этот берег назывался Соленой Бухтой.

Он делал вино, однако сам не пил и почти все продавал отдыхающим, в большинстве случаев северянам, которые ничего не пробовали слаще морковки и были в восторге от крепости вина и его вкуса. Земля, трава, деревья и сам кирпичный дом давно напитались морской солью, испаряющейся в воздух даже зимой, и потому Виктор Сергеевич всегда ощущал горечь на губах и во рту.

Особенно его доставал шум прибоя, и если море разыгрывалось ночью, он не мог спать и в поисках тишины спускался в бетонированный блиндаж – винный погреб, где для этой цели стояла раскладушка со спальным мешком.

Несмотря на солидный возраст, он ничем не болел, выглядел молодо и голос был не старческий – могучий низкий бас, как у оперного певца. Кроме сада, рыбалки и добычи антиквариата со дна ненавистного моря, у него было два страстных занятия – чтение газет, которые он выписывал или в последнее время покупал пачками, вплоть до «Пионерской правды», и второе, самое любимое, – кузнечное ремесло и кузня, выстроенная собственными руками еще в пятидесятых годах, когда он перебрался на юг. Коноплев был открыт для всех отдыхающих и почти ничего не таил от них, кроме содержимого каменного сарайчика в дальнем углу сада, который обычно принимали за временку для «дикарей». Еще в юности он попробовал этого ремесла, и всю жизнь тосковал по нему, и тут дорвался до милой сердцу стихии огня, металла и его перевоплощения.

В доме и усадьбе все было кованое: калитка и узоры над окнами, кровати и цветы в вазах. Повсюду лежали запасы железа самого разного профиля, особо ценное, выплавленное на березовых углях и добытое в сносимых старых домах и церквях, оно хранилось отдельно, в специальном сарайчике, недоступное соли морского воздуха, от которого меняло кристаллическую структуру.

После бархатного сезона, с наступлением осени, когда разъезжались последние отдыхающие, Виктор Сергеевич отпирал кузню и, словно чародей-огнепоклонник, возжигал горн, почти не гаснувший до весны.

С апреля по октябрь он не носил никакой одежды, кроме плавок, загорал до синего, негритянского отлива, за что носил прозвище Мавр, и часто смущал своим голосом и видом одиноких женщин. Он настолько привык к прозвищу, что давно отзывался на него, и бывало, представлялся так своим квартирантам. В последние годы, как и все вокруг, он зарабатывал тем, что пускал к себе «дикарей», заселяя ими две временки и три отдельные комнаты дома. Он долго удерживался от такого бизнеса, с весны до осени посторонних на свою усадьбу не пускал принципиально, и лишь когда умерла жена, не из-за денег, а от тоски поселил в доме отдыхающих. А за зиму соорудил в саду две временки, и в самый разгар сезона население усадьбы доходило до пятнадцати человек.

В восемьдесят седьмом году, в бархатный сезон к Мавру явился немец Фридрих Шосс – старик лет семидесяти, очень хорошо говорящий по-русски (в то время иностранцы хоть

и робко, но уже начали осваивать Крым). Объяснил, что в гостинице «Ялта» нет свободных номеров, а, дескать, так хочется несколько дней покупаться в море. Мест не было и у Мавра, но этот немец так настойчиво просился, что пришлось пустить его в чердачную недостроенную комнату, где было оборудовано спальное место. Коноплев уже давно не испытывал особой ненависти к немцам; скорее, напротив, было некоторое любопытство. Пару дней Шосс ходил вдоль моря, заметно прихрамывая, не купался и даже не загорал, и на третий не спустился с чердака. Мавр поднялся к нему и обнаружил немчуру совершенно здорового и даже веселого.

– А я тебя искал, князь, – сказал он. – Всю жизнь искал. Я не поверил, что ты погиб в сорок пятом. Ты не мог погибнуть. Сменил фамилию – дело другое...

– Похоже, и ты сменил, – перебил Мавр, вглядываясь в квартиранта. – Как тебя раньше-то звали?

– Имени ты не знал. Что тебе были наши имена?.. Но фамилию должен помнить – майор Соболев, начальник разведки дивизии.

– Ну как же! Пивоварня в Берлине... Да, сколько годиков минуло! – Мавр сунул ему кулаком в отвисший живот. – Плохо сохранился, Соболев, пузо, как у старого мерина, обрюзг – никак бы не узнал.

– А я тебя сразу узнал, несмотря, что шкура черная.

– По этому? – Мавр показал шрам через всю щеку, напоминающий складку.

– И по этому тоже. Когда мне рассказали, какой ты, где и как живешь, я еще твоей новой фамилии не знал, но сразу понял: ты тот самый полковник.

– Ну, не полковник, а генерал-лейтенант! – с удовольствием поправил Мавр. – А кто меня обрисовал?

– Да один твой отдыхающий, случайно встретились в Италии. – Квартирант стриг глазами. – Всю жизнь искал, такие силы и средства привлекал – никакой информации. А тут появляется хлипкий, нечаянно разбогатевший мужичок и рассказывает, как отдыхал, у кого... Художник! Мастер разговорного жанра!

– Значит, ты еще навыков не утратил?

– Приумножил, князь, приумножил!

– Ну да, а иначе бы не выжил. Как подлечили-то в немецком госпитале?

– Неплохо...

– Чего же хромаешь?

– Хорошо – ногу не отняли!

– Значит, вернуться в СССР не пожелал?

– Ты помнишь, как я попал в госпиталь? Сам же сдал!

– А что, лучше было бы пулю в лоб закатать?

– Ты бы закатал, и рука не дрогнула...

– Дурень, я от смерти тебя спас! Куда бы ты в эсэсовской форме?..

Бывший майор помялся.

– В общем-то да... Ситуация... Оказался в американской зоне. Янки начали меня крутить... Вернулся бы к своим – или шлепнули сразу, или в лагерь. Из группы никого не осталось, а кто еще знал о нашей операции?

– Тот, кто отправлял!

– И кто бы меня пустил к Жукову? В СМЕРШе бы и разбираться не стали...

Мавр сделал паузу и спросил уже мягче:

– Как жилось-то на Западе? По-немецки научился говорить? Или все контуженого играешь?

– Научился... А в жизни ничего хорошего не было. В сорок седьмом раскрыли, осудили как советского шпиона и на семнадцать лет в тюрьму. Правда, через два года освободили...

– Перевербовали?

- Но меня же никто не вербовал, чтобы перевербовывать.
- А, ну да, присяга, значит, не в счет... Согласился на сотрудничество?
- Ты нисколько не изменился! Что ты въедаешься? Мне семьдесят один год! А тебе лет на пять побольше, верно?
- На шесть, но я как-то об этом постоянно забываю, – добродушно признался Мавр. Бывший начальник разведки дивизии панибратски хлопнул его по плечу.
- Но я не лечиться к тебе приехал, хотя говорят, ты практикуешь.
- Ностальгия замучила? Поехал сослуживца искать?.. Или другая причина?
- Другая... Поделиться бы надо, князь.
- А чем поделиться, майор?.. Или ты тоже подрос в звании?
- Бумажками поделиться, генерал. За которыми ходили. Теми, что из Берлина вывез. А потом будто бы взял и погиб.
- Так сожгли бумажки, Соболь! Костерчик из них развели. Сам Георгий Константинович и запалил.
- Эти бумажки не жгут, – засмеялся тот. – Жуков за них и пострадал. Ни Сталин, ни Хрущев не получили акций. Маршал приказал держать все у себя, до особого распоряжения. И до сих пор бумаги находятся у тебя! С сорок пятого года!
- И сколько же ты хочешь получить?
- В любом случае половину пакета. Мы с тобой остались на этом свете только двое здравствующих. По-моему, других правонаследников не имеется.
- Как ты себе это представляешь? – насмешливо спросил Мавр. – Сейчас я открою сарайчик, достану акции, отсчитаю половину и отдам? Может, тебе головку полечить, а не ногу?
- Такой оборот Соболю не понравился, одутловатость щек сползла вниз, и лицо посерело.
- Я приехал в СССР как частное лицо. Но за мной стоят определенные силы некоторых цивилизованных государств. А здесь у вас перестройка, сближение с Западом, и вашему правительству не нужен скандал с Веймарскими акциями. Они не были объявлены как трофеи, не пошли в счет контрибуции. Получился нонсенс: ценные бумаги не принадлежат ни СССР, ни Германии. Ни одно из этих государств не может претендовать на них, ибо Гитлер добыл их преступным путем, а как их приобрел Советский Союз, мы с тобой живые свидетели. Но со временем их придется передать Германии, не получив ни копейки, вместе с другими вывезенными ценностями. Ваш ЦК вместе с генсеком пойдут на любые условия, чтобы только не раздражать цивилизованный мир.
- Ты предлагаешь поделить и разбежаться?
- В одиночку ничего с бумагами не сделаешь, – уверенно сказал Соболь. – Тебя просто ограбят и уберут, едва обнаружат акции. Мгновенно!.. Для их реализации должно быть не менее чем прикрытие какого-либо свободного и цивилизованного государства. Я имею возможность обеспечить такое прикрытие.
- Подумаю. Слишком неожиданное предложение.
- Только не долго! Максимум три дня. Пока я отдыхаю.
- А вот сколько хочу, столько и буду думать! – вдруг склонился к нему и прорычал Мавр. – И ты мне тут сроков не ставь!
- Бывший майор сдался, видимо, вспомнив характер хозяина.
- Хорошо, генерал, я подожду, больше ждал... Но жить буду у тебя. Мне нравится эта комнатка, чем-то напоминает развалины и молодость.
- На следующее утро оставшийся для всех остальных немцем, Фридрих Шосс изъявил желание наконец-то искупаться в Черном море вместе со всеми отдыхающими и хозяином «русского отеля» Мавром. Сделали организованный заплыв до буйков, после чего устроили игру в водное поло, и никто не заметил, как исчез иностранец.

Его сначала искали собственными силами, потом приехали водолазы и только через три дня, далеко от Соленой Бухты, обнаружили тело немца, прибитое волнами к берегу...

Два года после этого трагического случая Мавр не пускал к себе отдыхающих, но жизнь заставила, и он снова начал сдавать жилье, только супружеским или иным парам, однако в последнее время стало не до выбора, поскольку в конце восьмидесятых резко убавился поток отдыхающих. Потом бизнес набрал обороты, и на юг потянулись начинающие богатеть одиночки, и больше всего – барышни молодые и жаждущие развлечений предпринимательницы, жены скоробогатых коммерсантов, еще не освоившие пляжи Канар, удачливые валютные проститутки и просто челноки.

Через некоторое время вся эта публика открыла для себя заморские страны, и дом в летний сезон наполовину опустел.

Но были завсегдатаи, приезжающие специально к нему по одной причине: Мавр лечил с помощью массажа многие заболевания – от хандры до бесплодия. Сам Мавр в благодатное и лечебное действие своих рук не верил, а облегчение и улучшение здоровья клиентов (массировал исключительно женщин) относил к области психологии. Если что-то и лечил, то только душу. Однако бывало, что получал письма с благодарностью, в том числе и за восстановленные детородные способности, над чем весьма осторожно шутили и посмеивались приятели.

И напрасно: если его лекарские способности помогали женщинам, то только милостью Божьей, поскольку Виктор Сергеевич всю жизнь был верен жене.

Лечение свое Мавр всегда проводил творчески и для каждой страждущей индивидуально. Если откровенно, над некоторыми пресыщенными и тоскующими особами он попросту издевался и умучивал их на массажном столе до полусмерти. После того как раза три он чуть было не подрался с ревнивыми мужьями, пришлось все свои лекарские тайнства из комнаты выносить на всеобщее обозрение – в сад, под кроны платанов.

Зимой он придумывал новые способы лечения и летом отрабатывал их на отдыхающих, например, массаж с листьями роз или пирамидального тополя, в морской или дистиллированной воде, перед сном и после пробуждения. Еще лечил голосом – тихо и вкрадчиво басил какие-то слова то в одно ушко, то в другое и при этом массировал копчик. А то уносил стол к морю и там обкладывал женщин камнями, наваливал огромные тяжести, заставляя лежать по часу под таким тяглом, – конечно, потом испытываешь облегчение!

Мавр валял дурака, а чтобы мужья клиентов не возбуждали своих чувств, глядя, как чернокожий седовласый старик мнет ягодицы и поглаживает шейки их возлюбленных, он заставлял ему помогать – таскать с моря «свежую» воду, рвать листья, носить те же камни. Валял дурака, глумился над богатенькими дамами и одновременно зарабатывал на электромолот для кузницы.

Цены все росли и росли, нужной суммы никак не накапливалось...

После смерти жены он всегда чувствовал одиночество, но близких друзей не заводил. Последним, истинным и верным другом оставалась Любовь Алексеевна, с которой он прожил чуть ли не полвека. Она страстно любила телевизор и политику, верила в сверхъестественные силы и астрологию, и когда к власти пришел Горбачев, с пятном на лысине, она успокоилась, сказала, что теперь Советский Союз ждет стабильность и слава на вечные времена. Вскоре она умерла.

Виктор Сергеевич в одиночку оплакал ее, и чтобы быть ближе к ней, отодрал кипарисовые доски от времянки, выстрогал их, сколотил гроб и схоронил жену в своем саду, под ее любимой яблоней. Сначала на могиле поставил просто столбик, а через год привез с каменоломни глыбу гранита и сам вытесал надгробие – два сросшихся восьмигранных кристалла в виде буквы V, заключенные в причудливый кованный орнамент.

За самовольное захоронение в неполюженном месте его начали преследовать власти Крыма, вплоть до прокурора: все требовали выкопать гроб и отнести его на кладбище, грозили тюрьмой, но перезахоронить прах без ведома Мавра никто не посмел, ибо весь прибрежный край Соленой Бухты стоял за него горой.

После Любви Алексеевны он не мог воспринимать других женщин. А из мужчин выделял и поддерживал тесные приятельские отношения с бывшим командиром подводной лодки Радобудом и дежурным с лодочной станции Курбатовым. С Радобудом его связывало одинокое, холостяцкое житье – от отставного капитана первого ранга, хватившего дозу радиации, ушла жена. Они часто ходили с Мавром на быстроходном катере на рыбалку, ныряли с аквалангом и собирали со дна остатки древних цивилизаций в виде корабельных обломков и битой посуды и продавали в антикварные лавочки на пляжах.

Они порой целыми днями играли в шахматы.

Все остальные считались хорошими знакомыми и соседями – у Мавра не было врагов, поскольку он владел огромным потенциалом примиряющего начала и мог найти общий язык даже с самым горячим и нетерпимым горцем.

Были у него давние, верные отдыхающие постояльцы, челночницы, гоняющие за товаром в Турцию, приезжавшие на юг уже лет пятнадцать. Они приезжали и с мужьями, и с детьми, и с любовниками, и просто женской компанией. Потом постепенно от них перестали приходиться открытки с поздравлениями, заказы на жилье в бархатный сезон. Прекратились и неожиданные наезды веселой толпой; кто-нибудь из них заедет тихо и в одиночку, и то по торговым или каким-то странным делам, и уедет, не прощаясь. Мавр сразу же понял, в чем дело: они мучались и стыдились своей крайней нищеты, семейных разладов и одиночества.

Все они были из одного северного города Архангельска, все с филологическим образованием, умненькие, разговорчивые и все по-пионерски романтичные – обожали море, ночные костры, песни под гитару и приключения. И все любили массаж и голос Мавра, на магнитофон его записывали, чтобы слушать дома зимой.

И вот после длительного перерыва вновь нагрянули все вместе, оказывается попутно, с огромными клетчатými сумками, набитыми кожей и тряпьем. В красивых платьях и костюмах, с проблеском золота и серебра на руках и шеях, в изящной импортной обуви, украшающей ноги – неузнаваемые, счастливые и ухоженные дамы! Повисли все втроем на Мавре, тискали его, мазали губной помадой, гладили седые вихры и, не опасаясь за макияж, ревели черными слезами.

Как-то уж получилось, что он стал свидетелем их судеб, большого и важного отрезка жизни, блеска, нищеты и возрождения. И это нельзя было назвать дружбой, по крайней мере сам Коноплев так не считал, поскольку подобных отношений за долгие годы жизни у теплого моря наладилось тысячи и с самыми разными людьми. Между ними всегда стояли деньги, и они-то мешали сблизиться: заканчивался отдых, и наступало время платить за него. И отказаться от этого Мавр не хотел принципиально, ибо все обращалось или могло обратиться в плоскость родственных отношений или что еще хуже – в нахлебничество. У него был горький опыт, когда обнаруживаешь, что нахальство человеческое не имеет границ и стоит лишь единожды поступиться принципом, как потом потребуется несколько лет, чтобы отвадить халявщиков. Да еще и расстаешься чуть ли не врагами!

В день приезда для постоянных клиентов он устраивал бесплатный пир с винами разных сортов, шашлыками, азу собственного приготовления, горами всевозможных фруктов и катанием по вечернему морю на катере каперанга Радобуда; почти такой же загул следовал по окончании сезона, но за все остальное надо было рассчитывать.

Челночниц он встретил по обыкновению щедро, никого из них не выделял вниманием, танцевал в саду с каждой примерно поровну и дурачился со всеми без обиды и скабрзности и, разумеется, ни с кем не менял своего летнего наряда, однако когда отправились кататься

на катере и к компании присоединились Радобуд и Курбатов, сам собой разложился марьяж. Марина забралась в рубку к капитану, Лена спустилась к профессору-пенсионеру в каюту играть в шахматы, а Томила – женщина, носящая цыганское имя, но совершенно на нее не похожая, осталась на палубе с Мавром.

Почти счастливым, разгулявшимся и свободным дамам требовалось что-нибудь эдакое, романтично-сердечное, но кавалеры мало куда годились. Молодой еще Радобуд вообще избегал женщин, дежурный лодочник-ученый перебрался на юг, чтобы лечить застарелый ревматизм, и, в буквальном смысле, скрипел на ходу, как немазаная телега, а Мавру, несмотря на здоровье, шел девятый десяток, и кроме того, он пристроился в рубке читать газеты.

Но других-то кавалеров не было!

Море выдалось не очень-то для купания, после недавнего шторма пошла низовка, вода была градусов восемь, но когда из виду начала скрываться береговая полоса, барышни изъявили желание окунуться в открытом море. Для страховки вместе с ними нырнули и Радобуд с Мавром, побултыхались несколько минут, вылезли на палубу, и тут началось согревание женских тел. Согласно марьяжу.

Коноплев еще ничего не заподозрил и ничему не удивлялся, так как знал Томилу давно и относился к ней с чувством дедушки к внучке – это была условная игра со всеми молодыми женщинами. Она прижималась к Мавру и, слегка пьяненькая, шептала:

– Ты почему такой горячий? Тебе не холодно, да?.. Откуда в тебе столько энергии?

– От солнца, – сказал он.

– Я когда долго загораю, меня знобить начинает. И загар совсем не пристает... Давно хотела спросить... И мы сегодня с девчонками спорили – сколько тебе лет? Ты, как женщина, скрываешь свой возраст.

Он гордился своими годами, но и в самом деле иногда скрывал. Чтобы не шокировать впечатлительную публику.

И сейчас, слушая ее шепоток, Мавр вспомнил время, когда Томила однажды приезжала с мужем, спортивным молодым человеком, а потом с двухлетним сыном и двумя годами позже – с любовником. И в первый приемный день после пира как-то сами собой возникали мужские соревнования: в основном тянулись на руках или делали заплывы. Хозяин вначале не участвовал в развлечениях гостей, но его подначивали, поддразнивали и в результате втягивали в состязания. Мавр поочередно, в разные годы уложил и мужа, и любовника Томилы, тем самым испортив отношения на весь сезон.

Ни тот, ни другой на юг больше не приезжали.

Сколько Мавру лет – гадали чуть ли не все постояльцы, и когда он говорил правду, уличали в кокетстве. Она тоже не поверила, с прищуром белесых ресниц осмотрела его грудь, шею, попыталась разглядеть складку, перечеркивающую левую щеку от виска до подбородка, поняла, что это не морщина, а глубокий, закамуфлированный врачами шрам, но спросила совершенно об ином.

– Ты кто, Мавр? Ты кем был раньше?

Это уже был девяносто пятый год, и потому он сказал открыто:

– Генералом был.

И этому она не поверила, осталась при своем мнении.

Но когда вернулись домой и уже шестером продолжили пир, впервые за много лет он изменил себе и, удалившись в свою комнату, вышел оттуда в генеральском мундире со звездой Героя Советского Союза и иконостасом орденов и медалей до живота. То ли от радости неожиданной встречи, то ли от вечного тягла двойной жизни, ему захотелось не то чтобы поразить воображение Томилы, но как бы заявить о себе настоящем. Форму он купил на рынке в Ялте два года назад, то есть в девяносто третьем, после распада СССР, после расстрела парламента, как знак протеста, достал из тайника все свои награды и пришил к генеральскому кителю золо-

тые плетеные погоны образца шестидесятых годов. И фуражка оказалась современная, позорная, с южноамериканской высокой тульей, но другой, настоящей, русского покроя уже негде было взять.

За столом возникла долгая пауза. Более всего ошарашен был каперанг. Тот просто язык проглотил, увидев в приятеле генерал-лейтенанта. Томила лишь рассмеялась, захлопала в ладоши и заявила, что Мавру нужно сниматься в кино. А Радобуд вдруг стал говорить ему «вы», как-то сразу очужел и, прихватив с собой дежурного профессора-лодочника, удалился.

После пира, когда женщины разбрелись спать, а обряженный в привычную спортивную форму Коноплев принялся мыть посуду, каперанг вернулся и неожиданно заявил:

– Я догадывался, вы не простой человек. Вы не школьный учитель, как представлялись. И возраст скрываете.

– Что с тобой случилось, капитан? – спросил Мавр. – Это же театр, и ничего больше. Форму купил в Ялте по случаю вместе с орденами. После смерти Любы скучно жить стало... Хотел перед Томилой хлестануться.

– В прошлом году ко мне приходили люди... Спрашивали про вас. Выпытывали, что знаю, чем вы занимаетесь, с кем встречаетесь, кто приезжает отдыхать. Шантажировали...

– Что же ты сразу не сказал?

– Расстраивать не хотел, да и не поверил им, что вы другой человек, не тот, за кого себя выдаете... Эти люди не из милиции, слишком дотошные и умные. Склоняли шпионить за вами, но мне ведь терять нечего...

– Спасибо... Вытирай посуду.

Радобуд послушно схватил полотенце.

– Теперь убедился: вы на самом деле генерал.

– Это моя мечта юности! – засмеялся Мавр. – А сейчас, видно, в детство впадаю, форму купил, за Звезду и ордена такие деньги выложил!.. Оказалось, дешевая подделка.

– Я двадцать лет на флоте оттрубил. И кое-что повидал. Форма на вас сидит. Вы ее поносили дай бог всякому. И ордена натуральные...

– И все-таки это шутка...

– Теперь я понял, кто выступал на митинге, – почти шепотом сообщил Радобуд. – Все гадал, кто?..

– На каком таком митинге?

– В Ялте!.. Октябрь девяносто третьего, расстрел парламента России...

– Не хватало еще на митингах выступать! Я не по этой части...

– Это были вы! Вы призывали отставных офицеров встать в строй и взять оружие, – заговорил с оглядкой. – Точно, вы... Загар только с вас уже сошел. Но он всегда к октябрю смывается...

– Будет врать-то, каперанг! Какой из меня полководец? Я больше по женской части, массаж, моцион...

– Ну, как хотите, товарищ генерал. – Радобуд ничуть не расстроился. – А скажите мне... ну, по секрету, что ли. Неужели Россия теперь никогда не встанет с колен? Я так переживаю, товарищ генерал!.. Я готов был идти за вами в Ялте! И сейчас готов!.. Но кругом одни изгои! С кем идти?

Мавр отложил неотмытую тарелку и снял фартук.

– Знаешь что, каперанг... А не прокатиться ли нам на катере по ночному морю?

Тот все понял, лихо козырнул:

– Есть, товарищ генерал!

Они пришли на лодочную пристань, отбоярились от компании Курбатова, который заступил на дежурство, взяли катер, в полном молчании отошли от берега на полтора километра и легли в дрейф.

На море был полный штиль и классическая лунная дорожка, расчеркнувшая бесконечное водное пространство.

– Как ты сказал – изгой? – переспросил Мавр. – Пожалуй, слово подходящее...

– А кто еще? – подхватил Радобуд. – Равнодушная, но энергичная полупьяная толпа, которой помыкают, как хотят! За несколько лет перекарасились в красных, теперь срочно мажутся под демократов... Низость, пошлость, темнота и никакого чувства достоинства!

– Это хорошо, что ты понимаешь обстановку. Но мне всегда жаль изгоев, каперанг. Смотрю на этих женщин... побросали профессию, рвут жилы, мотаются по странам. Кругом воровской или торгашеский дух... Вырождение нации, славянского единства... Вечный принцип – разделяй и властвуй! Пора бы заступиться нам за славян...

– А я ловлю себя на мысли, что начинаю презирать свой народ, – признался Радобуд. – Наверное, это нехорошо... Но не могу смотреть, как его унижают, а он молчит. И это выдается за долготерпение! Положительное качество! Только бы не было войны!

– Смири свое жесткое сердце, каперанг, – посоветовал Мавр. – Не суди строго, не руби сплеча.

– Ладно, пусть так!.. Но что станет с Россией? С Украиной? У меня есть чувство, вы знаете!

– Все будет в порядке. Опять, как в сорок пятом.

– Понял, придется отступить до Москвы и топтать, например, до Вашингтона.

– Нет, снова до Берлина. И топтать не придется...

– Война с немцами? Что-то плохо верится... Наш этот вечно пьяный президент из Германии не вылезает, лучший немец... Стыд смотреть! Под канцлера подкладывались, что тот пятнистый, что этот!

– Да нет, каперанг, ты приглядиись внимательнее, – засмеялся Мавр. – И увидишь, кто под кого ложится. И кто над кем куражится.

– Не понял... Я что, слепой? Это же национальный позор!.. Они покорили Россию, развели нас с Украиной и Белоруссией. И теперь издеваются. И надо, чтоб опять, как в сорок пятом?..

– Не кипятись, каперанг, все будет нормально и без войны.

– Весь вопрос – когда? Мы хрен дождемся!

– Ничего, дождемся. Если ты мне поможешь.

– Да я готов!..

– Верю, иначе бы и разговора не затевал... Мы вот с тобой ныряем на дно морское, собираем битую посуду и получаем свои гнусные копейки. А сами на золоте сидим! Вся объединенная Европа должна бы отслушивать нам зарплату, каждому жителю бывшего СССР. Примерно по триста баксов ежемесячно.

– Такого никогда не будет, – уверенно заявил Радобуд.

– Да, это из области фантастики. Другое воспитание. – Мавр снял ботинки, и спустив ноги с борта, похлопал водой. – Благодать!.. Но все равно не люблю моря...

– Нам что, Европа задолжала? – не внял лирическому настроению каперанг.

– Знаешь, почему немецкий канцлер записал наших президентов в друзья? И валандается с ними?.. Объединение Германии, разрушение Берлинской стены – это верхушка айсберга. Ублажает их и раскручивает совсем по другому поводу: хочется ему заполнить пакет ценных бумаг, оказавшийся в России. А его русские друзья – ни сном ни духом! Не доросли, чтобы знать об имперских тайнах, поскольку они находятся вне идеологии. Последним, кто, возможно, что-то слышал, был Брежнев. И то потому, что я, согласно инструкции, доложил специалисту по золотовалютным резервам о существовании Веймарских акций у нас в СССР. Но он уже тогда впадал в маразм и, думаю, толком ничего не понял. До меня потом дошло,

будто Леонид Ильич решил, что это был очередной ходатай за Жукова... Ну, и слава богу! Главное, я свой долг выполнил.

– Вы?!.. Доложили?!.. – ошалело спросил Радобуд.

– А что ты так заужал меня? Вы да вы...

– Извините... Извини.

– Думаю, настала пора вставать с коленей, каперанг. И народы поднимать. Только немец был прав, нужно хорошее прикрытие.

– Какой немец?

– Да он вообще-то русский... Но это не важно. Предатель национальности не имеет.

– Что я должен делать конкретно? – У каперанга от восторга и предчувствий, как у мальчишки, захватывало дыхание. – Поставьте... Поставь задачу, товарищ генерал. Я привык мыслить военными категориями.

– Сейчас пойдем к берегу, причалим и отправимся спать, – приказал Мавр. – Потому что утро вечера мудренее. Придет время – получишь задачу.

Радобуд, как человек военный, все понял. Запустил двигатель и встал к штурвалу.

Дома Мавр кое-как распихал посуду по шкафам, спустил с цепи овчарку, постоял над могилой жены, затем поднялся к себе наверх, включил телевизор и взялся просматривать газеты – читать не оставалось времени.

Шороха на старой лестнице он не услышал, дверь внезапно распахнулась, и в ночных сумерках на пороге очутилась Томила в купальнике. В этом не было ничего неожиданного, поскольку завсегда-отдыхающие другой формы одежды весь сезон не признавали, и южный уровень обнаженности был в порядке вещей. Кроме того, внутренне он ожидал нечто подобное, даже хотел, чтоб она пришла, однако после ночного плавания и разговоров психологически оказался не готовым.

– Мавр, где ты был? Я прихожу к тебе третий раз! – чуть капризно проговорила Томила.

– На прогулке, – обронил он. – Не спалось...

– Мог бы взять меня.

– Ты спала, не стал будить...

– Нет, я прикидывалась... Мавр, можно я посижу у тебя немного? – на всякий случай попросилась она, хотя знала, что он не откажет. – И мне не спится, кружится голова.

– Садись. – Он отодвинулся к стенке. – Можешь даже полежать.

Томила сгребла газеты на пол, выключила телевизор и легла рядом. Эта троица никогда не воспринимала Мавра как мужчину.

– Давай поговорим?.. Знаешь, у нас есть к тебе деловое предложение. – Она привстала на локте, глядя на него сверху. – Мы наняли двух мальчиков, они будут возить товар из Турции в Ялту, а я – принимать и отправлять его на Украину и в Россию. Нам нужна перевалочная база.

– То есть мой дом?

– Надежных людей у нас тут больше нет... Оплата – два процента от оборота. Это достаточно много! Понимаешь, если не наращивать объемы, можно прогореть. Мы уже едва держимся на уровне...

– Годится, – неожиданно согласился он.

– Правда? – изумилась Томила. – Ты не против?

– У меня сухие подвалы, чердачная комната... Место есть...

– А мы сомневались с девчонками, решили, ты и вправду генерал, не захочешь связываться с челноками! – развеселилась она.

– Отдыхающих ездит мало: состоятельные нынче рвут на Канары, у бедных нет денег...

Не так будет скучно.

– А тебе бывает скучно одному?

– Бывает... Ну, иди, не дразни меня! Не буди зверя...

Она умышленно коснулась грудью его щеки.

– Мне все равно не уснуть...

– Погуляй в саду! Сходи искупайся!

– Пошли вместе?

– Не смущай меня, внучка!

Томила слегка отстранилась и вздохнула.

– Мавр, скажи мне... Между нами... Кто ты? Иногда мне кажется, ты моложе меня. Сегодня всех насмешил с генеральским мундиром! Этот капитан поверил!..

– Тебе понравился юмор?

– Двадцать копеек! Классно! Белый мундир и черная физиономия!

– Какая еще физиономия может быть у негра!

– Нет, правда, ты кто на самом деле?

– Африканский принц. Наследник огромного состояния, а значит, власти. Только вот вынужден скрываться.

Она никогда не видела его белым, поскольку ни разу не приезжала зимой. И не то чтобы поверила, но готова была поиграть в предложенную игру.

– Ты похож. И голос, как у Поля Робсона. Только выговор... североуральский. Я там была на фольклорной практике... А ты знаешь свою судьбу?

– Конечно. Умру в возрасте ста тридцати одного года.

– Знать, когда умрешь, не интересно, – задумчиво произнесла Томила. – Как проживешь до смерти, что будет, кто встретится... Ты знаешь, что будет?

– А как же! – засмеялся Мавр. – Причем моя судьба имеет несколько версий. По какой захочу, по той и проживу.

– Даже так? Ну и какие, например?

– Могу еще лет сорок жить на берегу моря, страдать от его запаха и шума, уединяться в кузнице, пить вино и собственный коньяк...

– Это здорово...

– Что здорового? Тоска мне тут смертная. И одиночество. Если бы воплотить в жизнь второй вариант.

– Какой же?

– А перевернуть этот несправедливый мир. Чтоб, как в сорок пятом. За державу обидно.

– Я тебе верю, – после паузы обронила она. – В тебе чувствуется... огромная, потрясающая сила. Мне иногда даже страшно становится. Ты же все равно не скажешь, кто ты?

– Не скажу.

– Так и думала... Знаешь, а я в юности мечтала выйти замуж за генерала. Все девчонки мечтают! Однажды увидела настоящего генерала, но он был такой старенький, с палочкой шел... Вот теперь, когда мне сорок, снова можно мечтать. А то у меня теперь все так просто и прямо, что выть хочется. Я тоже все про себя знаю, вижу себя во сне – сижу на тюремных нарах, а стены из бронированного стекла...

– Ого! – Мавр сел и чуть ли не насильно развернул Томилу к себе. – Это еще что такое?

– Головой стучусь, тошно...

– Давай, внучка, выкладывай, что с тобой приключилось?

Она ткнулась лицом в его грудь, но не заплакала, как обычно бывает в таких случаях, напротив, будто успокоилась, ощутив опору.

– Все сны в руку... Я должна повторить судьбу моего отца.

– Он что, на нарах сидел?

– Не то слово... Больше тридцати лет со ссылками.

Мавр чувствовал ее дыхание у себя на груди, и в голову лезли неуместные мысли. Она словно слышала их, отстранилась и сжала кулачки.

– Ты не думай, я его очень люблю! Жить без него не могу. Если б ты знал, какой он!.. Добрый, ласковый, но утомленный. И одержимый, как ты.

– За что же его на такой срок? – больше для участия спросил он.

Томила усмехнулась своим воспоминаниям.

– Сам он говорит, за то, что делал деньги.

– Бизнесом занимался?

– Нет, в прямом смысле.

– Фальшивомонетчик, что ли?

– Я ненавижу это слово... Мой папа – художник, понимаешь? Прекрасный художник!

– Ну-ка, ну-ка. – Мавр насторожился. – Как его фамилия?

– Притыкин... Что это с тобой?

– Да так... Просто у меня был один знакомый фальшивомонетчик, но с другой фамилией... И что, он на самом деле художник?

– Талантливый! И его погубило творческое любопытство...

– А это что такое?

– Как бы тебе объяснить... Ты ведь тоже причастен, в кузне своей цветы выковываешь... Наверное, поиск совершенства, жажда самореализации. И когда этого нет, человек гибнет. Я тоже в юности писала стихи и мечтала о генерале. А стала обыкновенной челночницей. Так что дорожка мне накатана...

Мавр встал, завернувшись в простыню, походил с достоинством и решительностью, как римский патриций.

– Нет, надо потрясти этот мир!

– Пожалуйста, Мавр, потряси его! – искренне попросила она и замолчала.

Он погладил ее по голове, затем взял на руки, покачал, побаюкал:

– Ах, ты горе мое...

– Помнишь, ты однажды победил моего мужа, на руках тянулись?

– И не только мужа, – намекнул он.

– Да-да, – уклонилась Томила от неприятного. – Тогда Юра меня стал ревновать... Кошмар был, а не отдых! Мы с ним через полгода развелись. По этой причине, между прочим. Еще он узнал, что ты ночью открывал кузню, делал мне огненный массаж и подарил железный цветок. Ты же никого не лечил огнем? И цветов никому не дарил?

Он в самом деле только Томилу впустил в кузницу и ради нее среди лета возжигал горн.

Она не знала, куда он ее ведет и что находится за железной дверью каменного сарая, но пошла без оглядки и воспринимала все, как данность, полагаясь на судьбу и его руки. И делал он столь необдуманный шаг не для того, чтобы выделить Томилу из компании – просто в тот миг ему пришла в голову идея.

Мавр все видел – и ревность мужа, и неудовольствие подруг, и ее уныние: отдых превращался в наказание, и грядущая зима лишь усугубила бы состояние разочарования и упадка. А тут, в ночной кузне, Мавр превратился в мага или обыкновенного фокусника, на ходу придумывая, чем бы удивить увядающую на глазах деву? Сыпал в огонь порошок алюминия и меди, превращая его в иллюминацию, изображал, что поливает ее пламенем, черпая ковшом из горна, и сразу же – водой, при этом бормоча какие-то слова. И наконец, извлек голый рукой раскаленную добела кованую розу, заранее подложенную в огонь.

Поразил воображение!

Вероятно, кто-то из подруг не спал и подсмотрел: иначе как бы узнал муж?

– То есть я виноват в твоём несчастье? – прямо спросил Мавр.

– Наоборот, ты помог! Иначе бы до сих пор мучилась... Скажи, я ведь одна получила от тебя огненную розу?

– Что ты ищешь, внучка? – осадил он. – Совершенства? Самореализации?

– Замуж хочу, – сказала она трезвым и осмысленным голосом.

– Ну так выходи! Какие твои годы?

– За кого? За челночника? Такого же погибшего, как я?

– За генерала хочешь? – Мавр посадил ее на кровать, присел рядом. – Грядет катастрофа... Поэты торгуют тряпьем, художники превращаются в фальшивомонетчиков и сидят в тюрьме, а бандиты жируют...

– Ты же можешь, Мавр! Все в твоих руках. Переверни этот несправедливый мир. Хотя бы для одного человека. Возьми меня замуж.

– Замуж? Ты знаешь, сколько мне годиков, внученька?.. Это же картина «Неравный брак». Вся Соленая Бухта со смеху умрет.

– Ну и пусть.

– А про тебя скажут, позарилась на дом старика, и станут травить. И отравят непременно!

– Но это же не так?.. Да и сейчас никому ни до кого дела нет. И ты ведь ничего не боишься?

Он походил, остановился у окна и, глядя в сумеречный сад, сказал жестко:

– У меня могила жены в саду – видела?.. Любовь Алексеевна из земли встанет, если рядом со мной появится другая женщина.

Он вспомнил, как в последние годы жена была уже совсем старенькая и немощная, и он всюду носил ее на руках, как в молодости...

Несколько минут Томила лежала тихо, без дыхания, затем встала и вышла неслышной тенью – ступени лестницы не скрипнули. А Мавр так и не уснул, хотя на море был полный штиль и легкий ночной бриз вымел отовсюду его соленые запахи.

С рассветом он вышел в сад, с удовольствием вдыхая хвойный дух кипарисов, и неожиданно увидел на кованой лавочке возле надгробия скорбную женскую фигуру. Было желание пойти и прогнать непрошеную плакальщицу, вторгнувшуюся в его закрытый, тайный мир, однако он ушел в другой угол сада, за кузню, и сел на груды вросшего в землю железа, где обычно прятался от опостылевших квартирантов.

В десятом часу утра за челночницами пришла машина, они погрузили товар, распрощались с хозяином и уехали.

И почти следом за ними в разведку отправился вдохновленный Радобуд.

Через неделю Томила должна была вернуться для работы на «перевалочной базе», так сказать, с вещами на длительное жительство. Мавр не то чтобы переживал по этому поводу, но с утра, увидев ее возле могилы жены, не был в восторге. Он не собирался менять устоявшийся образ жизни и относил ночные откровения Томилы к порыву одинокой сорокалетней женщины, разогретой вином, солнцем и морем.

Минула неделя, вторая – «невеста» не появлялась. Правда, еще дней через пять по пути в Турцию заехали нанятые челночницами мальчишки – сообщить, что они начинают завозить товар.

И в самом деле в течение одного месяца они совершили три вояжа за море и завалили половину подвала огромными тюками – ни Томила, ни кто-либо из ее компании не приехал. И лишь в середине сентября явилась Марина на «КамАЗе», погрузила весь товар и как бы мимоходом сообщила, что Томила арестована, находится в следственном изоляторе города Архангельска и ждет суда.

После такого известия Мавр впервые ощутил опустошенность. Вся его давно обустроенная и устоявшаяся жизнь с садом, с отдыхающими, с кузней и могилой жены отчего-то потускнела, утратила смысл, и сначала в сердце, а потом и в сознании он ощутил пока еще не офор-

мившийся протест. Усадьба на берегу моря не то чтобы опостылела – не приносила больше удовлетворения и радости; он не стал снимать фрукты в саду: и яблоки, груши, абрикосы, поздние сливы и знаменитая на всю Соленую Бухту алыча осыпались на землю слоями по мере созревания, источая гниющие запахи и привлекая тучи ос. Иногда по утрам Мавр стряхивал это душевное оцепенение, шел в кузницу, но сидел там, не разжигая горна, после чего долго бродил вдоль ненавистного моря, пугая своим видом женщин на пляже и, наконец, вечером, в полном одиночестве пил вино в своем погребе.

В это же время, как обычно просматривая газеты, Мавр наткнулся на статью о Коминтерне и Веймарских акциях, которая возмутила, обескуражила его и послужила определенным сигналом к действию. А спустя несколько дней черти принесли и самого автора, московского журналиста, который окончательно ввел в искушение.

Сразу же, как только журналист убрался из Соленой Бухты, Мавр пришел к Радобуду.

– Ну, готов к подвигу или передумал? – спросил он. – Постоять за отечество?

– Жду сигнала, – без прежнего мальчишества сказал каперанг. – И постановку задачи.

– Задача твоя будет такая, – совсем не по-военному проговорил Мавр. – Переедешь в Россию, в один из областных городов, прилегающих к Московской области. Там еще отставных офицеров уважают. Осмотришься, изучишь обстановку, медленно всплывешь и откроешь инвестиционную компанию. Пока все.

– Компанию? – изумился тот. – Но я подводник, и в таких делах полный болван!

– По дороге будешь готовиться, книжек сейчас хватает. Дело не такое и хитрое, подберешь себе толкового экономиста.

– Потребуется деньги...

– Вот, уже соображать начал, – одобрил Мавр. – На первый случай денег я тебе подброшу, но не много, например, миллион долларов.

– Миллион?!..

– Для солидной компании надо бы для начала два-три. Чтобы заявить о себе. Придется зарабатывать самому. Через год ты должен крепко стоять на ногах.

Радобуд продал самое дорогое – катер с аквалангами и на вырученные деньги поехал в разведку.

Вернулся он через две недели, вдохновленный и решительный – отыскал место у себя на родине, в Ярославской области, где его приняли, как героя. Он уже разработал схему получения первоначального капитала: заложить или продать несколько акций коммерческим банкам, у которых есть интересы в Германии, а на вырученные средства открыть собственный банк.

– Это мы сделаем, когда придет время. И повяжем не коммерческие, а Центральный банк. А сейчас как только высунешься с этими акциями, так тебя и прихлопнут, – терпеливо объяснил Мавр. – Тут тебе не морские глубины, и ты не в подводной лодке... Открывай компанию, счет в банке, сиди, изучай рынок и не высовывайся, – и добавил озабоченно: – Вероятно, мне придется ехать в Архангельск, Томилу посадили за мошенничество, выручать надо.

Каперанг рвался в бой и, услышав такое, вытаращил глаза, от возмущения на некоторое время дар речи потерял.

– Не понял... Тут такое!.. Вся Россия сидит... А вы... А ты...

– Если не смогу одному человеку помочь, нечего на большее замахиваться. Надо с чего-то начинать... Езжай в Ярославль, – приказал. – Мне срочно нужна фирма и счет в банке. Сообщишь телеграфом. И все делай быстро!

Радобуд на сей раз отрубил все концы – продал дом и поехал обживать на новом месте.

В середине октября Мавр получил от Томилы письмо, вернее, короткую записку на клочке оберточной бумаги, каким-то образом посланное на волю, из нее и узнал, что Томиле дали пять лет лишения свободы по статье за мошенничество.

2

Материал был готов еще в среду, но Ада Михайловна посоветовала задержать его на пару дней и подсунуть шефу в пятницу после обеда. Она работала... впрочем, нет – служила много лет в разных газетах ответственным секретарем и отлично разбиралась в нравах главных редакторов. Ее расчет сводился к тому, что перед выходными шеф всегда находился в добром расположении духа и относился к статьям новеньких литсотрудников не так строго, допустим, как в понедельник или вторник.

В ласковых и доверительных словах старой газетной волчицы Хортов угадывал нормальное желание прежде всего самой прочесть, и уж потом отдать материал Стрижаку, хотя с ним было строгое условие о сотрудничестве без всяких посредников. Мало того, по договору Хортов имел право на полную анонимность, в том числе даже внутри редакции, и передачу авторства самому шефу или его доверенному лицу. То есть полная творческая воля: принес материал, сдал из рук в руки, если понравился, тут же получил деньги – и гуляй. Правда, был и чувствительный недостаток: Хортову не полагалась зарплата, командировочные, суточные, мобильный телефон и оплачиваемый отпуск. Эту работу – уже третью по счету – ему нашел давний сослуживец Кужелев: приехал однажды ночью, дал телефон и адрес редакции и велел утром ехать на собеседование, мол, уже есть договоренность с главным редактором, только ни в коем случае не ссылайся на меня, а скажи, что ты от какого-то Назарова. Хортов, с подачи «достоверных источников», написал четыре материала, которые пошли с колес в номер и имели успех у читателей, как потом говорил Стрижак.

В этой статье ничего особенного не было – житейская история без крупных фамилий и жареных фактов, так что Хортов не стал скрываться под псевдонимом и рукопись вручил Аде Михайловне с удовольствием: может, одарит дельным советом...

Он полагал встретиться со Стрижаком в пятницу к вечеру, однако тот неожиданно пригласил в четверг утром, сразу же после планерки. Хортов приехал чуть раньше и, дожидаясь своего часа, бродил по длинному коридору возле приемной, пока не встретил ответственную секретаршу. Пожилая барственная дама вышла от главного, и они чуть не столкнулись, однако Ада Михайловна словно не заметила чуть ли не двухметрового литсотрудника. Хортов поздоровался и неуклюже, по-военному раскланялся, на что получил ледяной, отчужденный взгляд из-под очков. И даже слегка отпрянул, думая, что обознался.

А она пошла прочь, чеканя шаг по гулкому коридору.

Такой оборот дела больше изумил, чем насторожил. Он еще не ведал всех тонкостей отношений в редакциях, плохо знал устройство газетной машины и взаимодействие ее хитрых частей и механизмов, а точнее, представлял себе этот вечный двигатель так, как было условлено в договоре – написал, принес, получил. Он и к шефу вошел несколько сбитый с толку и изумленный, словно его только что неожиданно и дерзко обманули.

Стрижаку было лет сорок – может, на три-четыре года всего лишь старше, но по манере поведения он казался эдаким демократично-вальяжным, много пожившим человеком. В армии такими быстро становились молодые полковники, рано вкусившие высокие должности и власть. А на гражданке, оказывается, редакторы крупных столичных газет и удачливые, скоробогатые бизнесмены.

Ростом шеф был невысок, так что из-за бумажных завалов на столе торчала седеющая голова, отороченная снизу ковбойским шейным платком, и длиннопалые, подвижные руки.

– Присаживайся, Хортов, – сказал Стрижак, перелопачивая бумаги. – Сегодня что, опять магнитная буря?.. Не слышал? Голова раскалывается...

– Возможно. – Он вспомнил Аду Михайловну. – Какая-то буря чувствуется.

Шеф отыскал его материал в синем пакете и бросил перед собой, затем проглотил какую-то таблетку и встал.

– Так писать нельзя, Андрей Хортов. Материал в таком виде нам не годится. Решительно!.. К сожалению, это заблуждение всех начинающих. Желание поиграть на скандальных темах, заявить о своей смелости, выделиться, самоутвердиться... Ты меня понимаешь?

– Пока нет, – обронил он. – Вот бы поконкретнее. Я, знаете ли, человек в прошлом военный и туповатый...

Стрижак проявил образец выдержки и педагогического терпения.

– Зайдем с другой стороны... У меня под ружьем стоит сорок пишущих. И как ты убедился, все штыки отборные. Как ты думаешь, почему никто из них не берется за подобную тему? Ты вообще в нашей прессе об этом много ли читал?

– О чем об этом?

– Ну, об этом! Чтоб вот так, неприкрыто, откровенно! Фашизм натуральный!.. Ну так что, соображаешь, о чем речь? Или не дошло?

– Догадываюсь, но с трудом, – на всякий случай признался Андрей, хотя ничего еще не понимал.

Шеф проглотил еще одну таблетку и закрыл жалюзи на окнах.

– Странно... На собеседовании у меня сложилось совершенно иное к тебе отношение. Неглупый малый, определенная хватка, умение видеть задачу... Но я заметил еще по прошлому материалу, о секретной экономической деятельности Коминтерна. Почему у тебя там работали только лица еврейской национальности?

– Это не у меня, это у них в Коминтерне.

– А зачем заострять на этом внимание читателя?

– Но иначе будет беллетристика.

– Слушай, Хортов, ты же не этот крикун с улицы, а боевой майор в отставке, иностранный университет окончил. Можно сказать, кадр с европейским образованием... Откуда у тебя такие низменные чувства? Или это убеждения?

– Шеф, а нельзя ли открытым текстом? Знаете ли, я привык к иной манере разговора...

– Открытым? – Стрижак приблизился вплотную, и Андрей ощутил запах человека, сильно встревоженного и болезненного. – Давай открытым. Ты что, антисемит?

– Не понял вопроса...

– Ладно дурака-то валять! – не сдержался Стрижак и кинул ему пакет с материалом. – Это что?.. Нет, наваял ты неплохо, продумал ходы, запятые расставил верно. И фактура сама по себе интересная. Только не считай остальных идиотами. Тут чистейший махровый антисемитизм!.. Короче, переделывай, от начала и до конца, – и чтобы смягчить резкость тона, подал пакет в руки, и вроде бы даже пошутил. – В таком виде можешь предложить какой-нибудь черносотенной газетенке. Если есть желание. Но под псевдонимом.

– В самом деле какая-то буря в атмосфере, – пожаловался Хортов. – Мозги закоксовались. Никак не могу увязать этот материал с антисемитизмом. Здесь нет ни одного еврея, шеф. Израиль упоминается лишь по случаю, в связи с отказом...

– А кто же такой Лев Маркович Кацнельсон? Или ты думаешь, никто не знает известного советского и партийного деятеля? Насколько мне известно, он занимал важный пост в Коминтерне.

– Но он же старый коммуняка! Убежденный сталинец! Он с милицией дрался на 9 Мая! И одного инвалидом сделал. По старости не посадили.

– Я имею в виду национальность.

– Шеф, но он же русский! И звали его когда-то Лев Макарович Соплин.

– Да, я читал твои изыскания... Но это все натяжки. И никаких доказательств. Ты просто не знаешь психологии читателя... Любая еврейская фамилия, связанная с отрицательной фактурой, вызывает раздражение и сотни звонков.

– У меня есть ксерокопия «Известий» за тридцатый год с его объявлением о смене фамилии...

– Сейчас девяносто пятый, Хортов!

– Что это меняет? Шестьдесят пять лет занимался надувательством, даже национальность сменил, а дети у него...

– Ну вот почему он сменил? Как-то неубедительно прозвучало.

У Хортова вдруг возникло сомнение – а читал ли шеф материал? Или выслушал доводы Ады Михайловны и пробежал текст по диагонали?

– С фамилией Соплин в то время нельзя было сделать карьеры, – однако же терпеливо начал объяснять он. – Ни партийной, ни советской. Лев Маркович сам говорил об этом...

– Да и сейчас тоже, – мимоходом согласился шеф. – А с фамилией Кацнельсон – можно?

– Вероятно, да...

– То есть ты хочешь сказать, что в тридцатых годах с русской фамилией...

– Я хотел лишь рассказать житейскую историю, – перебил его Хортов. – Про то, как человек во имя карьеры сменил все – имя, национальность, образ жизни, жену и даже внешний вид. Волосы себе красил и закручивал, пока их не спалил и не облысел. Детей заставлял картавить и говорить с еврейским акцентом. Полностью изменил судьбу и потом всю жизнь страдал от этого, сидел в лагерях и томился в ссылках. Но не отрекся!.. И даже умер не своей смертью! От инсульта, когда получил решительный отказ и не смог выехать на жительство... якобы на свою историческую родину. Не понимаю, шеф, при чем здесь евреи и антисемитизм! Это не я – израильские власти отказали в визе. Это они довели его до инсульта.

Должно быть, Стрижак полностью доверился ответственному секретарю и материал лишь просмотрел, и теперь надо было ему выходить из неловкого положения. Хортов, несмотря на возраст, был молодым журналистом, однако человеком опытным, со связями в кругах Министерства обороны, МВД и ФСБ, куда мальчишек с диктофонами пускали с неохотой. Литсотрудник такого сорта в газете ему был нужен до зарезу – можно послать хоть в горячую точку, хоть в свиту к президенту. Просто так отмахнуться от него шеф не мог, и Андрей об этом прекрасно знал.

– Во-первых, слово «евреи» уже звучит оскорбительно, – заметил Стрижак тоном школьного учителя. – Следует писать «лицо еврейской национальности». Во-вторых, об этих лицах принято говорить, как о покойниках: или хорошо, или ничего. Все остальное антисемитизм. Ты это запомни, Хортов. И в-третьих... Тебе известна настоящая фамилия владельца газеты?

– Настоящая не известна, – признался Хортов.

– Поэтому иди и переделывай материал.

– Переделать невозможно, шеф. Лучше выбросить...

– Зачем же выбрасывать? Фактура на самом деле любопытная, и сам герой... – Стрижак не нашел подходящего слова или не захотел его озвучить. – Мой тебе совет – сделай его немцем.

– Ну почему немцем? – возмутился Андрей.

– Ах да, забыл... У тебя же какие-то тесные связи с Германией.

– Не в этом дело. Кто же поверит, что Кацнельсон – фамилия немецкая? Родственники за такое еще и в суд подадут.

– Напишешь – поверят. И не подадут. – Стрижак вдохновился и стал развивать мысль: – Сообразительный русский мужик надумал заделаться европейцем, а потом на старости лет решил со всем семейством рвануть в Германию, поближе к цивилизации. Но тут его раскусили...

– Это беллетристика...

– Но какая, Хортов!

– Не согласен, шеф.

– Хорошо, я тебе его оплачу. – Он открыл сейф. – Давай сюда материал.

– Выбросить и сам могу...

– Я не бесплатно выброшу. Тебе что, деньги не нужны? Не ты ли говорил, живешь пока за счет спонсорской помощи жены?

Андрей никогда такого не говорил Стрижаку, хотя на самом деле это было близко к истине: на скудную жизнь кое-как зарабатывал, а вот автомобиль, сотовый телефон и прочие радости цивилизации финансировала жена, в немецких марках. Разведка, как и положено, донесла ему факты с некоторым искажением...

– Подумаю, может, что и исправлю, – увернулся от удара Хортов. – Посижу ночь...

– Утром жду, – мгновенно вцепился шеф. – И еще подумай вот о чем. Нужен материал с Кавказа, человеческая история на фоне нынешних событий, на фоне бессмысленной и бесполезной войны... – Он хмуровато усмехнулся. – О лицах кавказской национальности пока можно писать что угодно и как угодно. Подумай, потолкуй со своими информаторами, завтра доложишь.

Хортов привык завоевывать жизненное пространство, брать его штурмом или долгой осадой, атаковать или контратаковать, а при таких обстоятельствах важно было уметь держать удар. В кабинете у Стрижака он явно схлопотал по морде, однако мысленно утерся и вышел как ни в чем не бывало. Ада Михайловна встретила его на пути не случайно – поджидала возле приемной, чтобы посмотреть, каким он выйдет от шефа. Обстановка в редакции начала проясняться, по крайней мере становилось ясно, кто тут серый кардинал, или, говоря современным языком, агент влияния.

– Мое почтение, Ада Михайловна, – старомодно раскланялся Хортов. – У меня все в порядке, спасибо за советы. Всего вам доброго!

Он имел на это право, поскольку еще вчера ответственная секретарша два часа угощала его настоящим молотым кофе, дамскими сигаретами и вела себя весьма любезно. Разумеется, заодно мастерски проводила разведопрос, выдавая его за материнское участие. И окончательно растрогалась, когда узнала, что жена Хортова – немка, осталась в Германии и приезжает раз в год, и что он живет один уже несколько лет и все дома делает сам.

– До свидания, Андрей Александрович. – Она тоже умела держать удар. – До встречи!

И в тот же момент скользнула в дверь главного редактора.

Вообще-то на душе было мерзко, не хотелось никого видеть, и Андрей поехал домой, но по пути в боковом кармане заверещал подарок жены. Сбивчивый женский голос он не узнал и никак не мог добиться, кто звонит, пока не догадался, что это внучка Кацнельсона, Мира – юная и отчего-то уже нервная девица. Она требовала немедленно приехать и не могла толком объяснить, что случилось и почему такая срочность, поскольку срывалась в слезы. С ней рядом кто-то был и, вероятно, подсказал причину: Мира вдруг подавила всхлипы и внятно произнесла:

– Нас ограбили!

Подмывало сказать все, что он думает по этому поводу, однако Хортов пересилил себя, выключил телефон и поехал на Арбат. Дом Кацнельсонов ремонтировался изнутри и снаружи, стоял в лесах, будто в клетке. За последние десять лет почти полностью сменились хозяева квартир и теперь из коммуналок делали роскошные апартаменты. Лев Маркович оставался из старых жильцов чуть ли не последним; как человек заслуженный и реабилитированный, имел отдельную четырехкомнатную квартиру и целый год жил там с внучкой. В ожидании разрешения на исход в Землю обетованную, они продавали старинную мебель, посуду, люстры и даже литые бронзовые дверные ручки – короче, все, что некогда досталось по наследству

от прошлых репрессированных хозяев и что нельзя было забрать с собой. И одновременно подыскивали покупателя на жилье.

Трудно было представить, что можно было грабить в этой пустой, пыльной и мрачноватой квартире.

Дверь открыл сын Кацнельсона, Донат – сорокалетний ухоженный мужчина, и если судить по нему, то природа сопротивлялась или попросту издевалась над грехом Льва Макаровича Соплина. Хортов не видел двух старших сыновей, которые будто бы жили в Прибалтике, но, судя по младшему Донату и его дочке, – подобных рязанских физиономий еще было поискать. Как ни старался покойный карьерист перевоплотить и детей, ничего с генами поделаться не мог, миграционная служба Израиля оказалась на высоте, и обман раскрылся.

Донат был человеком мягким, добродушным, к авантюре своего отца относился скептически, хотя соглашался уехать из России, поскольку в Земле обетованной у него оказались почти все друзья и коллеги по медицинскому институту. К отказу он отнесся вполне философски, ибо знал тайну родителя, и теперь радовался, что не успел продать свою частную зубопротезную клинику на Ленинском проспекте. И хорошо помог Хортову, когда тот узнал через своего информатора о смерти карьериста и решил сделать материал для газеты. Помог тем, что не только согласился на публикацию секретов семейной истории и дал письменное удостоверение, но даже и просил об этом. И вот только позавчера Донат вычитал текст статьи, ничего обидного для себя не нашел и подписался.

Сейчас Донат никак не выглядел ограбленным, но зато в пустом зале, за пустым кухонным столом, как возле гроба, сидели его дочь и седовласый проворный человек, представившийся адвокатом покойного Кацнельсона. Мира вскочила и предложила свое место, поскольку третьей табуретки в доме не было еще неделю назад. Она уже не плакала, но выглядела несчастной, растерзанной и возбужденной одновременно, затоптала на полу окурки и тут же взяла новую сигарету.

– Ну и что же случилось? – спросил у Доната Хортов. – Если вас ограбили, почему не вижу милиции?

– Да, господин Хортов, это ограбление, – за всех ответил адвокат, похоже, уполномоченный вести разговор. – Из дома пропали ценные бумаги, принадлежавшие Льву Марковичу. Накануне этой... трагической смерти я навестил его, и мы вместе пересмотрели их и поместили... вот в этот тайник. – Он указал на лоскут обоев, отодранный со стены у самого пола. – Да, он не такой надежный, но поместили всего на несколько дней, пока я не вернусь из командировки. Но вот я вернулся, не застал в живых Льва Марковича, даже похоронить не смог. И бумаг в тайнике не оказалось.

– Чем же я могу помочь? – пожал плечами Андрей. – Я только журналист...

– Вы можете! Можете помочь! – Мира мгновенно сорвалась в истерику. – Кто же еще нам поможет?!..

– Мира, прекратите кричать! – жестко оборвал ее адвокат и, видимо, уже не в первый раз. – Пока я говорю, вы обязаны молчать.

Донат обнял дочь и стал тетешкать, как малое дитя.

– Исчезновение ценных бумаг в корне меняет дело, господин Хортов, – прежним спокойно-деловым тоном продолжил адвокат. – Есть все основания полагать, что мой клиент убит.

– Я справлялся и в прокуратуре, и в ФСБ: смерть наступила от инсульта, – не сразу сказал Андрей. – Неоспоримый факт.

– А вам известен такой факт, что в мире есть, пожалуй, больше десятка препаратов, вызывающих инфаркты и инсульты? Причем таких, которые распадаются на составляющие в течение часа, и не остается следов.

– Что-то слышал...

– А я видела, видела! – вновь взорвалась Мира. – Дедушка умирал на моих глазах!

– Ничего вы не видели! – И этот выпад был пресечен. – Прекратите истерику! Вы мне мешаете!

– Я видела, что обои оторваны! Только не знала, что там тайник!

– Да, это она видела, – согласился адвокат. – Случайно заметила, когда «скорая» пыталась реанимировать Льва Марковича.

– Но за два часа до того специальной почтой доставили пакет из посольства, со злополучным отказом, – заметил Хортов. – Он получил, расписался и запер дверь. Взлома не было, есть соответствующий акт.

Адвокат помедлил, отсекая паузой одну тему от другой, сказал с горечью:

– Точно так же и прокуратура будет оспаривать все мои доводы. Я уверен, что смерть была насильственной, но не смогу доказать, что под обоями у Льва Марковича лежало целое состояние в ценных бумагах. Нет, скорее даже не одно состояние. И все исчезло!.. Я знал об этом один. Он был очень осторожен и не показывал своих сокровищ даже самым близким.

– На месте прокуратуры я бы сразу же вас арестовал, господин адвокат.

– Я бы тоже. На ее месте. Потому мы вас и позвали.

– Какой толк вывозить эти бумаги из России? Он же хотел взять их с собой?

– Разумеется. И толк-то как раз в том, чтобы вывезти и реализовать за пределами России.

Не подумайте, в этом нет ничего противозаконного.

– Это что? Векселя графа Монте-Кристо? Компромат на Билла Гейца?

– Не смейтесь, молодой человек. – Адвокат неожиданно улыбнулся сам. – Это немецкие акции двадцатых годов. Некоторых предприятий и фирм... Да, вы же служили в Германии, учились там на факультете журналистики... И, кажется, до сих пор состоите в браке с немецкой гражданкой?

– Было дело, – увернулся от прямого ответа Хортов и про себя изумился: информация у адвоката была на уровне. – Извините за любопытство... Как немецкие акции попали к советскому гражданину? Старому коммунисту?

– Он же работал в Коминтерне! Пока Сталин не разогнал...

– Там что, продавали акции?

– Напрасно вы ерничаете, господин Хортов... Когда-то они были собственностью Коминтерна, но стали неликвидными. Просто бумагой! Мой клиент принимал участие в ликвидационной комиссии... И подобрал то, что выбросили на свалку.

– А теперь оказалось, это целое состояние?

– Grimасы судьбы! Счастливые гримасы!

– Повезло, – согласился Хортов. – Но чем я могу помочь?

– Можете помочь! Можете!.. В этой стране нормально действует пока что один закон – гласность. На прессу реагируют все виды власти, и прокуратура тоже. Насколько мне известно, вы написали уже одну статью?

– Она еще не опубликована...

– Опубликуют, – просто заявил адвокат. – И сразу будет нужна вторая, в продолжение первой.

– На вашем месте я бы не рассчитывал только на прессу. Вы ее переоцениваете.

– Статью вам оплатят. И это будут приличные деньги, совершенно не такие, что вы получаете в редакции.

– То есть вы делаете заказ?

– Помимо того, что улучшите свое материальное положение, еще спасете и нас. Они боятся огласки!

– Кто – они?

– Как бы вам объяснить... Темные силы! Вы же понимаете, мир делится на день и ночь, есть силы добра и силы зла...

– Это вы рассказываете детскую сказку? – съязвил Хортов.

– Хорошо, скажу иначе, – не сдавался адвокат. – Это рабы, получившие власть. Самое страшное существо на свете – раб, облеченный властью, и особенно финансовой властью. Он стремится управлять миром, исподволь, тайно, через третьих лиц... Понимаете? Он боится света! Гласности! Пресса – это наше оружие!

– А вы не заблуждаетесь?

– На нашем месте, господин Хортов, она единственное спасение. Поверьте моему опыту. Я служу в юриспруденции... долгий срок. – Он еще раз выдержал паузу. – Судя по тому, как чисто сработано по времени и способу... убийства, здесь действовала некая спецслужба.

– Вот так даже?

– Возможно, люди, прошедшие эту школу, – уточнил адвокат. – Я бы хотел ошибиться. Но чудес не бывает. У всех опытных бандитов совершенно иной почерк. Они не заботятся о том, как бы это умертвить жертву и не наследить. И уж не станут искать специальный препарат, который как раз и стоит на вооружении у работников плаща и кинжала. Они просто душат или стреляют в затылок. А если это не бандиты – ваша статья заставит их немедленно двигаться, совершать некие действия и делать ошибки – то есть оставлять следы.

Он сказал все это с профессиональным спокойствием хирурга, пластающего живое тело. И при этом изображал, как душат и как стреляют. Хортов вдруг подумал, что этот адвокат и есть тот самый человек, способный совершить такое изощренное злодейство. Или очень на него похожий.

– Хорошо, я подумаю, – наконец проговорил Андрей и потряс головой: беседа с адвокатом имела последствия, как при магнитной буре – незаметно заболел затылок и ощущалось общее подавленное состояние.

– Прошу вас, недолго, – адвокат подал визитку. – Я жду звонка.

– Мы вас все просим! – подала голос Мира. – Пожалуйста! У нас похитили целое состояние!

Хортов тотчас же встал и пошел в коридор – отчего-то бежать хотелось из этого дома. Все время молчавший Донат оставил дочь и пошел провожать. У входной двери он оглянулся и зашептал:

– Андрей Александрович, когда опубликуют статью? Ее уже приняли?

– Нет, появились некоторые проблемы, – чуть ли не отмахнулся он. – До свидания.

– Постойте!.. Но публикация будет?

– Слушайте, Донат Львович, зачем это вам нужно?

– Как же вы не понимаете? – шепотом изумился тот. – Как только выйдет статья, у меня будут полные основания вернуть настоящую фамилию... Ну и все остальное... Понимаете, сейчас очень выгодно выдавать себя за еврея, по крайней мере, в моем бизнесе. Но ведь я же русский! Я не еврей!

– Говорить следует – «лицо еврейской национальности», – заметил Хортов и, переступив порог, побежал по лестнице вниз.

Он не исключал, что все так и случилось, как рассказал адвокат. Напротив, чем больше мысленно углублялся в ситуацию, тем основательнее казалась его версия. Странностей тут было достаточно, начиная с того, что материалы проверки факта смерти Кацнельсона остались не в милиции, как бывает в подобных случаях, а попали в прокуратуру и параллельно в ФСБ. Это можно было объяснить важностью персоны покойного или отказом израильских властей дать визу, так сказать, мотивами международного характера. Вначале Хортов так и подумал, других мыслей даже в голову не пришло. Сейчас же это обстоятельство показалось ключевым во всей истории, и ответы на загадочность происходящего следовало искать здесь. В милиции бы дождались результатов судмедэкспертизы, отказали в возбуждении уголовного дела в связи

с отсутствием события преступления и сунули бы материалы дознания в архив. Тут же кто-то из высоких инстанций или сильно перестраховался, или... что-то знал о существовании этих ценных бумаг и дал команду провести более тщательную проверку, возможно, даже поискать таинственные акции, если они настолько дорогие.

Или адвокат паникует не напрасно и тут замешаны спецслужбы. И тогда этот человек сверху таким образом проверяет их чистоту работы: если прокуратура и ФСБ не смогут выйти на след и доказать криминальную смерть старика авантюриста, значит, все в порядке и можно спокойно продолжать аналогичные операции.

В таком случае адвокат сильно рискует, пытаясь докопаться, кто убил и ограбил клиента, и потому решил второй статьей в газете предвосхитить ожидаемые события и хоть как-то себя обезопасить. Тот, кто побывал в квартире на Арбате в эти «темные» два часа, от получения пакета из посольства до прихода внучки, прекрасно знает о том, что адвокат посвящен во все тайные дела Кацнельсона. Тогда Виктор Петрович Бизин, адвокат, как значится в визитной карточке, скоростно умрет от инфаркта или инсульта...

Домой Хортов ехал практически на автопилоте, механически загнал машину в «ракушку» и по-настоящему начал ощущать реальность, лишь когда оказался в квартире. Надо было что-то предпринимать, но так, чтобы самому не поднимать паники. И прежде всего проверить потенциальные возможности и связи адвоката – больно уж уверенно он заявил, что первый материал будет опубликован. Андрей позвонил Стрижаку – если они в контакте, то дать команду или уговорить шефа напечатать статью у Бизина время было.

– Я подумал, шеф, – сказал он в трубку. – Изменяю фамилию в материале на аналогичную, но более германизированную. Страну выезда указывать не буду. Мне кажется, это компромисс. Даете добро?

– Валяй, – бросил Стрижак. – И думай по Кавказу. Ты понял, что там идет война?

Выходило, что адвокат не связывался с шефом, иначе бы тот уже требовал материал в первоначальном виде, забыв об антисемитизме. Получить сведения о Бизине по другим каналам не было возможности, поскольку ни одного информатора в среде адвокатов у Хортова не было. Зато свой верный человек сидел в прокуратуре – Леша Скорята, с которым начинали служить командирами взводов в Ленинградском военном округе. Чувствуя, что вот-вот грядет сокращение, он поступил в заочный юридический институт (тогда это поощрялось), и увольнение из армии почти совпало с получением диплома. Ему не пришлось даже отвоевывать место под солнцем, отставного майора с руками и ногами взяли в прокуратуру. В Западной группе войск близкий конец былой мощи Советской армии чувствовался острее, и Хортов еще раньше Скоряты умудрился поступить в Берлинский университет (для некоторых офицеров особых отделов подобные вольности становились обязанностью), окончить его с отличным дипломом, однако до сих пор он не мог толком устроиться на работу.

Но на «антисемитскую» тему навел не он, а другой кореш, полковник из ФСБ Кужелев, к которому попало дело о смерти Кацнельсона. Скорята же добывал информацию от какого-то своего приятеля, параллельно с ФСБ занимающегося проверкой, и потому все время предупреждал, что рискует подставить его, если что-то случится.

К счастью, Леша оказался на месте, и с первых же слов стало ясно, что в прокуратуре тоже имеется свежая и неожиданная информация. По телефону бывший сослуживец ничего сказать не мог, однако назначил встречу после работы и попросил до нее не высываться и по поводу смерти Кацнельсона ни с кем не консультироваться.

Должно быть, Скорята имел в виду информатора из ФСБ Геннадия Кужелева. Однако спустя полтора часа тот позвонил сам по мобильному, будто между делом спросил, когда выйдет материал, и пообещал заехать к нему домой поздно вечером, дескать, пора бы выставить магарыч за оказанную услугу.

С Кужелевым судьба свела там же, в Германии: получилось так, что Хортов заменил его на должности в особом отделе. Он уже в то время был профессиональным, специально образованным кагэбэшником, хотя еще в звании капитана, когда Андрея перевели в отдел с должности командира десантно-штурмовой роты, проще говоря, из пехоты (почему он и стал потом кандидатом на сокращение). А иначе никак было не остаться в ЗСГВ на второй срок – роман с Барбарой только еще зарождался, а самое главное, в войсках уже началась казачья вольница и за связь с иностранками не преследовали.

Кужелев всерьез никак не воспринимал свою замену, бывало даже откровенно посмеивался и, кое-как наставив новичка, отбыл в Союз. И Хортов почти забыл о нем на несколько лет, но вспомнил, когда вернулся из Германии с иностранным университетским дипломом, но гражданским человеком, и вынужден был форсировать преграду и захватывать плацдарм на другом берегу жизни. Всех тогда вспомнил, от одноклассников до бывших сослуживцев, и многих разыскал; школьное и военное братство оказалось самым выдержанным и крепким. Тот же полковник Кужелев опять посмеивался, будучи по характеру веселым и злым человеком, однако помогать вызвался сам и бескорыстно: за хорошую незакрытую информацию из недр таких закрытых учреждений, да еще из «достоверных источников», редакции или сами журналисты платили деньги. Иногда большие...

Хортов подхватил Скоряту в условленном месте и сразу же отметил, что бывший взводный на хорошем взводе и, скорее всего, пил с самого утра, поскольку к вечеру потускнел, отяжелел и потерял боевой вид.

– Купи мне бутылку минералки, – серьезно попросил он. – Все равно с тебя причитается... И встань где-нибудь в тихом дворике.

Когда они нашли такой дворик, Скорята одолел полбутылки, и взгляд его немного прояснился.

– Ну, сочинение твое напечатали? – спросил, отрыгая воздух.

– Пока завернули, – признался Андрей и вкратце передал разговор со Стрижаком.

– А что, молодец, – похвалил шефа однополчанин и еще больше протрезвел. – Антисемитизм – хорошая форма отказа.

– Такое подозрение, что он материала-то и не читал.

– Нет, он читал, и очень внимательно. Ну, ладно, об этом потом... Новость первая: по материалам проверки возбуждено уголовное дело. Этот плутоватый старый еврей умер насильственной смертью.

– Положено говорить – «лицо еврейской национальности», – поправил Хортов. – Хотя он русский...

– Вот я и говорю, этому старому... лицу брызнули в глаз каким-то препаратом, и у него через несколько минут случился гипертонический криз и последующий инсульт... А ты почему не подпрыгиваешь?

– Ремень мешает. – Андрей показал привязной ремень. – Сейчас расстегну.

– Нет, погоди, в чем дело? Этого полкана из ФСБ видел?

– Другого полкана. – Он показал визитку. – Знаешь такого?

– Такой еще не попадался...

– Так вот он автор этой версии. Только непонятно, если судмедэкспертиза уже установила причину смерти и покойного схоронили, откуда такие данные? Эксгумация, что ли?

– Ничего подобного! Гражданин Кацнельсон, урожденный Соплин, спокойно спит в земле сырой. Но по какому-то странному стечению обстоятельств при вскрытии и исследовании трупа в секционном зале оказалось... скажем так, светило медицинской науки. И писать о нем ни в коем случае нельзя.

– Я и не собираюсь...

– Ему пришло в голову исследовать глазную жидкость, потому как в крови подобное вещество разлагается в течение сорока минут. А в этой жидкости препарат будто законсервировался. Правда, анализ долго делали, но зато не кролика – слона родили.

– Если ему пришло в голову, значит, это светило занимается... аналогичными препаратами?

– Логика правильная, но нам туда лучше не соваться. Главное, установили причину смерти. И еще, что зелье это не отечественного производства.

– Значит, отечественное все-таки имеется!

– Андрюха, мы же договорились!

– Ну, понял... Вот наделали вам работы!

– В том-то и дело, что нет! – засмеялся Скорята. – Пронесло!.. И это новость вторая – сегодня дело запросила... служба охраны президента. И твой информатор из ФСБ тоже его может лишиться.

– Они что там, занимаются убийствами?

– Сказать честно, никто толком не знает, чем они там занимаются.

– Даже вы?

– И спецпрокуратура в том числе.

Хортов ощущал два отрицающих друг друга чувства – неясный, щемящий страх и неуемную, детскую радость.

– Леша, ты на меня не обидишься? – спросил он.

– С чего ради? – Скорята отпаивался минералкой, как травленный таракан.

– Извини, но я знаю, за что убили Кацнельсона и почему дело отобрали.

– Ну?..

– Старика убили и выгребли из тайника под обоями ценные бумаги. Немецкого происхождения, двадцатых годов.

Глаза у Скоряты стали тяжелыми и водянистыми.

– Андрюха, если ты так будешь себя вести... Ничего больше не получишь. Ты не меня даже подставишь, а моего человека! Если уже не подставил... Мы договаривались – только открытая информация. И строго дозированная.

– А это что? Закрытая?

– Не имеет значения.

– Но ты же мне не говорил о ценных бумагах! Тогда откуда я знаю про них?

– Откуда?

Хортов вновь показал визитку.

– Отсюда.

На сей раз Скорята тщательно переписал с карточки все данные, однако потом махнул рукой.

– Наплевать... Дело уйдет от нас. Пусть там чешутся, а с меня как с гуся вода... Но ты все равно об этом ни строчки, понял?

– И не собираюсь, Леша, – примирительно сказал Хортов. – Мог бы не предупреждать.

– А почему это вдруг? Дело-то интересное, особенно для бульварной газеты, в которую ты нанялся.

– Но-но, осторожнее!

– Нет, а что ты писать не хочешь? Сейчас вся пресса смакует таинственные убийства, ограбления, налеты...

– Знаешь, здесь уже идет чистый детектив, а это мне не интересно.

– Врешь! Ой, врешь!

– Не хочу смаковать криминальные истории, политические разборки, секретные операции. Что-нибудь про жизнь, про тайны и страсти человеческие. Первый материал о судьбе Кацнельсона – это как раз то, что надо. Но Стрижак оказался не то чтобы трусливым...

– Стрижак оказался законопослушным и сообразительным парнем, – перебил его Скорята. – И хозяин газеты тоже. А вот третья новость, Андрюха, самая неприятная: твой опус про смерть старого... лица публикации не подлежит. Меня предупредили, понимаешь? В приватной беседе... Ни в каком виде. И я тебе информации о нем не давал.

– Я получил ее от Кужелева. Он сидит крепко и ничего не боится.

– И вообще я чувую... Что-то происходит неприятное, шевеление какое-то, игра в жмурки... Лучше об этой истории ни слова.

– А господин Бизин ждет не только первую, но уже и вторую. Иначе ему тоже чем-нибудь в глаз набрызгают. Большие деньги предлагал...

– Обойдешься...

– И сын Кацнельсона ждет публикацию, – вспомнил Хортов. – Хочет вернуть национальность и главное – фамилию.

– Ничего, и он обойдется! А этот адвокат еще нас с тобой переживет.

Хортов отобрал бутылку и допил остатки воды.

– Это, значит, вы шефа настропалили?

– Не важно...

– А кто меня кормить будет? Ты?

– Жена не даст помереть голодной смертью. На бээмвухе катаешься...

– Ну, поскольку информацию об акциях я добыл сам, без всякой помощи, то имею моральное право позаниматься ими. – Андрей глянул на затосковавшего однополчанина. – Или пришлете разглашение тайн и измену Родине?

– Ты же не любитель криминала.

– Мой журналистский нюх подсказывает, здесь не только криминал. Откуда у старого партийца и простого советского служащего ценные бумаги из Германии? Несколько состояний спрятано под обоями!

– Ладно тебе, нюх. Будто я не знаю... Запомни: Кацнельсон – фигура непростая. Они там все были непростые, с двойным или тройным дном. Не зря Иосиф Виссарионович прихлопнул эту бесконтрольную контору.

– Пусть даже у ответственного работника Коминтерна. Откуда? – настаивал Хортов. – Адвокат заливал что-то, мол, с помойки домой натаскал... Врет, как сивый мерин!

– Тебе бы нюх другое что подсказал...

– Или нельзя думать на эту тему? И у нас в государстве опять цензура?

– У тебя должен быть внутренний цензор, – серьезно заметил Скорята. – Как ангел-хранитель. Чтоб глазки не закапали. Говорю тебе по одной причине. Потом скажут, не уберегли молодого талантливого... Ладно, купи мне бутылку водки и отвези домой. С сегодняшнего дня я в отпуске, но без отпускных, потому что временно отстранили и служебную проверку затеяли. Подозревают в разглашении служебной тайны. Но вот пусть умоются! Я же бывший взводный, а у нас есть свой метод защиты...

Страсть к бродяжничеству у Андрея появилась очень рано, почти одновременно со страстью к живописи. Возможно, потому, что он родился в поезде. Отца переводили из одной части в другую, и первое время вместо кровати он спал в чемодане. Пятилетним ушел из военного городка в Красноярском крае и пропал на четыре дня. Искали его всем гарнизоном, на вертолетах и нашли в тайге, в сорока километрах от ближайшего жилья. Тогда все думали, что он просто заплутал, но он убежал от солдат, когда его обнаружили, и не давался в руки по причине

обостренного чувства и детского страха. Правда, так никто не мог объяснить странной способности ребенка к ориентации в пространстве: четверо суток Андрей двигался строго на север.

Сам он помнил этот побег смутно, вернее, его обстоятельства и детали – где ночевал, что ел, но зато отчетливо и всю жизнь помнил причину, почему ушел, и тут родители никак не хотели ему верить. Отец был военным – когда-то остался на сверхсрочную, потом закончил офицерские курсы и кое-как выслужился до капитана. Он очень гордился этим, любил форму, хромовые сапоги, оружие, всюду таскал за собой сына, учил ходить строевым, стрелять, ползать – короче, готовил его к службе, в результате привил отвращение к ней. В пять лет Андрей еще не понимал, что такое ненависть, не умел выразить своих чувств, а просто от однообразной, типичной жизни слишком рано ощутил тоску и неприятие окружающего мира. Когда родители уходили на службу (мама служила в финчасти), он забирался под казенный диван в казенной квартире и плакал, не осознавая причины.

– Что же ты ревешь-то? – негодовал отец, когда случайно заставал сына с красными глазами или слезами. – Ты же мужчина, будущий офицер Советской армии! Отставить! Чтоб больше не видел! Иначе сниму ремень!

И снимал раза три, после чего загонял под тот же диван и плакать уже не хотелось.

Он все время убегал на опушку леса, который начинался сразу же за деревянным щитовым бараком, за изгородью военного городка. В два раза выше всех деревьев, словно царь, стояло огромное старое дерево неведомой породы. Должно быть, верхушку когда-то изломало ураганом, и потому в обе стороны, словно поднятые человеческие руки, выросли две ветви. Андрей старался не смотреть на него, пробежал мимо, на болотце, где росла морошка и княженика, однако взгляд сам собой притягивался к дереву и охватывал страх. Нет, даже не страх, а нечто другое – жуткое и радостное оцепенение, как от прикосновения к неестественному, непривычному, возможно, к проявлению Божественного. Дерево *немогло* быть таким!

И от этих смешанных, сильных и необъяснимых чувств он начинал плакать.

И вот однажды наревевшись всласть, он поднял голову и увидел не дерево на горизонте, а *человека...* Он стоял над всем окружающим лесом, протягивая ему руки, и будто манил к себе. Солнце садилось в тучу, пространство вокруг потемнело, а человек показался огненным, высокий, островерхий шлем искрился, латы на груди источали свет, и от рук расходились радужные круги.

С этого мгновения Андрей потерял страх, забыл о себе и сам не заметил, как пошел к этому человеку. Тогда ему было неудивительно, что и ночью он оставался таким же красным, сверкающим и манящим; он звал за собой, хотя не произнес ни одного слова, и Андрей шел к нему, вскинув голову и шепча одни и те же слова:

– Я иду, иду за тобой!

Он не ощущал времени – все казалось, будто не кончается один день. Человек не уходил и даже не двигался – так и стоял с зовущими руками, и Андрей знал, что когда дойдет, то обязательно запрыгнет на эти руки, и этот древний воин в доспехах поднимет его высоко-высоко над своей головой, а значит, до неба!

Дней же прошло четыре, и если бы не вертолет и солдаты, то он бы обязательно дошел: человек был уже совсем близко!..

После этого он больше не плакал ни дома, ни в лесу за изгородью, хотя воина-великана больше не было, но стояло дерево с протянутыми руками. Андрей приходил к нему совершенно безбоязненно, обнимал толстенный ствол, насколько хватало рук, и шептал:

– В следующий раз я дойду! Только никогда не уходи от меня!

Отец несколько раз заставал его в таком состоянии, хватал за руку, тащил домой и устраивал допрос. Андрей же снова по-детски чистосердечно рассказывал, что это не дерево – человек, воин в кольчуге и латах, великан, который когда-нибудь обязательно возьмет его на руки и поднимет до неба.

– Это же обыкновенная елка! – почему-то злился родитель. – Что тебе в голову втемяшилось? Ну посмотри, елка! Да еще изуродованная!

И однажды не выдержал, запер сына в дровяник, взял топор, убежал на болото и часа четыре, с остервенением и злостью, рубил это дерево, пока оно не рухнуло так, что загудела земля. А вернулся чем-то сильно обеспокоенный, даже пораженный. Сбежал в магазин за водкой, выпил, потом выпустил Андрея, приобнял и сказал:

– Упала елка... И знаешь, из сердцевины кровь брызнула... Немного, струйка...

Мать пришла с работы, застала отца в необычном состоянии, а он и ей то же рассказал. Пошли втроем на болото, посмотреть. Кровь и в самом деле брызнула из сердцевины, засохла на срубе и разлетелась каплями по болоту.

– Ну что вы городите-то? – возмущалась мать. – Чего вы придумали? Какая кровь? Малый от глупости мелет, большой – от вина... Это же ягода, княженика!

Андрей стал рисовать это дерево сначала простым карандашом, затем цветными и уже в первом классе попробовал акварелью. А у отца после этого служба не заладилась: один солдат из взвода застрелился на посту, второй ушел из караула с автоматом (кое-как поймали), а третий вообще бросился в драку на командира и получил дисбат. С погон отца сняли одну звездочку и перевели в кадрированную дивизию в поселке Итатка Томской области, в самое отвратительное, темное и гнилое место на всей земле. Вокруг была плоская равнина, болота и черный осиновый лес, где даже трава росла хилая и болезненная. Стоило лишь войти в него, как тут же пропадало солнце и сжималось сердце от отвращения, и если был ветер, то все трещало, скрипело и ни один человек не смел ходить в осинники в эту пору.

В самом городке, как и в мрачном лесу, все было мерзко-неприятно: часто дрались солдаты или «партизаны», которых пригоняли на переподготовку, а все офицеры пили водку, ругались друг с другом и не ходили в гости; наконец, рассорились мать с отцом и тогда Андрей сбежал во второй раз. Он дошел до железнодорожной станции, сел в поезд и поехал сначала в Томск. Целые сутки бродил по городу, пока не попал в Лагерный сад на берегу реки Томи. Оттуда открывался далекий горизонт, синий и дымчатый, и где-то в той стороне стоял древний воин и звал к себе.

В ту же ночь он сел в поезд и покатило куда глаза глядят. После станции Тайга места пошли гористые, и он ждал, что вот-вот на горизонте покажется голова в шлеме, а потом и весь красный исполин: Андрей уже знал, что Земля круглая и все спрятано за изгибом ее поверхности. Однако в Новокузнецке его сняли с поезда, отвели в детский приемник и несколько суток подряд добивались, кто он и где родители. Так ничего и не добившись, хотели уже отправить в детдом, но тут пришла ориентировка на него с фотографией и описанием примет.

По возвращении домой родители взялись за воспитание Андрея.

– Главное, чтобы не было ни секунды свободного времени! – твердил отец, теперь уже тут наказанный командирами за плохое воспитание сына. – Гонять до седьмого пота! И полный контроль от подъема до отбоя.

В девять лет мать конвоировала его по утрам в школу, отец забирал в обед, приводил в казарму и воспитывал в солдатском духе. Он любил военную службу, редко пил водку и нещадно гонял свой комендантский взвод. Срочники его ненавидели, а «партизаны» несколько раз пробовали устроить темную, однако получали сами, поскольку отец всю жизнь тренировал волю и тело, бегал кроссы, самостоятельно занимался боксом и самбо. Там же, в Итатке, он выбил однажды все передние зубы нападавшему «партизану» и по его жалобе был разжалован еще раз, теперь в младшие лейтенанты.

Через шесть дней родительской муштры Андрей попал в Томскую психоневрологическую больницу с диагнозом «детский суицид»: на глазах у солдат выпрыгнул на асфальтовый плац с третьего этажа головой вниз, но даже царапины не получил. Потом очевидцы говорили, что он летел очень медленно, как на парашюте, и перед землей перевернулся, чтоб встать на

ноги, хотя сам Андрей точно помнил, что не делал этого. В больницу запросили все тетрадки, дневники и рисунки, две недели изучали и выписали домой. Врач объяснил родителям, что мальчик совершенно здоров, не по возрасту развит, но постоянно находится в стрессовой ситуации из-за образа жизни. И посоветовал отцу сменить место жительства и службу.

Скоро место и правда сменили. Отец так старался на службе, что снова стал лейтенантом и его перевели в Ташкент, в часть, стоящую в черте города. После попытки самоубийства он резко изменил отношение к сыну, не стал таскать в казарму, но зато нагрузил сполна – записал Андрея в детскую художественную и музыкальную школы и в секцию туризма – это чтобы предвосхитить страсть к побегам. И дело пошло. Через год ему купили настоящий мольберт со всеми художественными принадлежностями, затем пианино и походную амуницию вплоть до ледоруба. Он лазал по горам с ребятами и в одиночку, рассматривал горизонт и слушал ветер в ущельях, но все для того, чтобы потом нарисовать дерево с руками, медленно исчезающее из памяти. Он не хотел и никогда не рисовал человека-воина, чувствуя сильнейший внутренний запрет, – нельзя, чтобы все узнали! Это тайна, доверенная только ему!

В последний раз в тринадцатилетнем возрасте Андрей изобразил его на полотне маслом, но уже не в красных доспехах, а в натуральном виде, в коричнево-серо-голубых тонах, какими видятся обычные в сознании древнерусские воины, и лишь от рук исходило розовое свечение.

После этого он стал рисовать карандашом поезда, вокзалы, людей на полустанках, железные дороги, расчерчивающие землю от горизонта до горизонта – все то, что видел, когда сбегал из дома. Музыка забросил, ледоруб подарил, и родители, удовлетворенные его художественным пристрастием, потеряли бдительность.

В третий побег он пошел осенью, после того как подрался с узбеками на детской площадке в соседнем дворе. Его били впятером, свалили на землю, запинали и, думая, что убили, придавили сверху садовой скамейкой. Андрей очухался к полуночи, прокрался в свою квартиру, умылся, переоделся, взял складной нож и пошел искать обидчиков. До утра он дежурил у дома, где его били, потом рыскал по соседним дворам, но никого не нашел и подался на вокзал. Он поехал наугад, заскочив в первый попавшийся вагон, и к вечеру следующего дня, не уснув ни на минуту из-за сломанных ребер, очутился в Андижане. Там, опять же не раздумывая, сел в отходящий поезд и лишь на первой станции узнал, что едет в Томск.

До знакомого города он не добрался: первый раз посадили в Талды-Кургане, потом в Семипалатинске. Путешествовать дальше железной дорогой он не рискнул, пошел в речной порт, высмотрел подходящую баржу, забрался в трюм, загруженный консервированными овощами и фруктами, и поплыл по Иртышу. Он открыл банку со сливовым компотом, наелся, напился в первый раз за последние дни, натаскал из ящиков упаковочной стружки и, постелив постель тут же, под люком, раскинулся от жары: в накаленной солнцем барже жара стояла, как в бане. Дышать было еще больно, и ломило весь левый бок, но, несмотря на это, он все-таки заснул, потому что не слышал, как пришли и задраили люк: каждый шаг на железной палубе отдавался громовым грохотом. Забравшись на ящики, он попытался откинуть крышку и сразу же почувствовал под руками тяжелый и прочный монолит.

Люков было несколько, и Андрей часа два ползал по коробкам и ящикам, в недрах огромной баржи, но открытого так и не нашел: все были задраены наглухо, так что не пробивалось света. Но он ничуть не расстроился, напротив, обрадовался, что его не достанут и не ссадят, а плыть было хорошо: урчали в корме дизели и бурлила вода за бортом. И в общем-то все равно было, куда он плывет.

И здесь, в трюме, в полной темноте, когда он перепутал день и ночь и от боли в боку не засыпал, а находился в постоянной дреме, ему начали сниться люди. Сначала тот человек-воин, такой же огромный, с мужественным лицом и манящими руками, и будто имя ему – Атенон. Он никогда не слышал этого имени, не встречал в книжках, а тут словно кто-то на ухо шепнул или сам догадался – Атенон!.. Это – Атенон!

И как только у него появилось имя, будто прорвало: перед взором в грезах стали проходить люди – незнакомые, древние, в белых одеждах с красным или серебристым шитьем, причем одинакового покроя, что у мужчин, что у женщин, но с разным орнаментом шитых узоров. Приходили старые, молодые и подростки его лет, и все живые, осязаемые: они дышали, у них были теплые руки и влажные глаза. Эти непривычные, сказочные люди будто бы являлись откуда-то по воле Атенона, и так же уходили, если он уставал смотреть на того или иного человека. Андрей сидел в замурованном пространстве, и ему казалось, что люди приходят из неких подземелий, где живут и по сей день. При этом он отчетливо понимал, что это не фантазии, не грезы и не выдумка, потому что невозможно придумать или вообразить живого человека с мельчайшими, характерными и гармоничными деталями, никогда не повторяющимися в других людях. Иногда приходили одни и те же, и Андрей узнавал их, и замечал перемены в выражении лица и одеждах. Бывало, что седовласый старик приводил с собой ребенка, и тот играл рядом с ним совершенно естественно и внимания не обращал на Андрея. А случалось, он мгновенно стряхивал дрему, если, например, баржа резко сбавляла ход и дергалась, но человек не исчезал – только замирал, превращаясь в картинку, и ждал, когда он снова уйдет в забытие.

Единственное, что казалось ненатуральным, – люди все время хранили молчание, и это напоминало немое кино.

Баржа двигалась на север, и с каждым днем в железном чреве становилось холоднее. Он потерял счет времени и одновременно обнаружил, что начинает видеть в темноте – по крайней мере, когда разогревался и ползал по ящикам, видел их очертания и всегда точно возвращался на место. Но скоро и это перестало помогать: иногда баржа становилась на якорь (он думал, что наступила ночь), и когда трогалась, то по корпусу гремел лед и в трюме стоял настоящий мороз и в банках с компотами тоже брякало.

От холода он не мог даже погрузиться в дрему, как это было раньше, и люди подземелий не стали больше приходить, как бы он ни напрягал волю. И когда Андрею сделалось одиноко в промерзшем трюме, он начал стучать, используя для этой цели жестяные банки с консервами. В первый прием (или день) его никто не услышал, потому что в кормовой части на полную мощь ревели дизели, а в носовую ходили редко – если становились на якорь или причаливали. Он переместился к переборке (трюм был разделен на два отсека) и бесполезно стучал там очень долго с монотонностью дятла.

После долгого перерыва – возможно, ночь прошла, люк неожиданно открылся сам, поток ярчайшего света ударил в трюм и ослепил Андрея. Он не видел, как спустили железную лестницу, и проморгался, когда женщина в телогрейке, высунувшись из люка, кого-то звала. Прибежали четверо мужчин, как потом выяснилось, вся команда, Андрея вытащили на палубу и унесли в натопленный кубрик. Его не ругали, не читали морали – напоили горячим чаем с водкой, потом накормили, переодели и уложили в теплую постель.

Он и здесь не уснул, лишь закрыл глаза и, опустившись в легкую дрему, попытался вызвать людей из земных недр, но они не появлялись, потому что где-то рядом звучали голоса. Тогда он прислушался и понял, что его скоро ссадят на берег: капитан и команда не хотели везти его в Салехард, чтобы избежать разбирательства. Они договорились молчать, а то, что Андрей съел и попортил товар, можно списать на естественный бой.

Его высадили ночью у высокого, обрывистого берега, где был крохотный деревянный причал с катером и двумя лодками. Дали большеватый и старый полушубок, сапоги с портянками и шапку с кокардой речфлота. Еще на всякий случай и в последний момент женщина принесла трехлитровую банку сливового компота. Едва баржа отвалила, Андрей выбросил компот в реку, ибо не то, что есть, смотреть не мог на него, и стал забираться по обрыву, держась за натянутые веревочные леера.

На чистом, мшистом берегу оказался высокий рубленый дом с окнами на воду, но невидимый с реки. За мутным, плачущим стеклом горел маленький, туманный огонек – скорее

всего, свеча. Андрей подошел к крыльцу, и в это время дверь распахнулась, вышел человек с керосиновым фонарем и поднял его над головой.

– А, бродяга! – весело сказал он. – Ну, проходи, проходи, давно поджидаю.

Андрей замер и прирос к земле: этот человек был знаком! Он не раз виделся ему в полудреме, точно такой же, с пышными седыми усами и крупным, раздвоенным подбородком.

Разве что одежда другая – облезлый вытянутый свитер и штаны из прорезиненной ткани.

– Ну, идем, чего встал-то? – поторопил он и махнул фонарем. – Давай, заходи, не май на дворе. Какая удача мне была вчера – Вещий Гой явился! Я уж обрадовался, думал, к моему року руку приложит, просиял, а он пришел за тебя просить...

– А кто это – Вещий Гой? – с подступающей радостью спросил Андрей.

– Как кто? Хранитель Святых Гор Атенон... Ну, ты заходи в избу-то, счастливчик!

Неуклюже запинаясь о ступени, Андрей наконец перешагнул порог, и сразу же в лицо толкнуло обволакивающим теплом и духом свежееиспеченного хлеба. В огромном доме не было перегородок, и единственная свеча на богатырском, массивном столе странным образом освещала даже самые дальние углы.

Но что поразило более всего, от маленького огонька на все стороны света тянулись четыре строгих ярких луча, которые пробивали стены и уносились в ночное пространство...

3

Письмо Томилы, отправленное из архангельского лагеря, обескуражило и разгневало одновременно. Вместо того, чтобы заниматься начатым делом или на худой случай возжечь горн и открыть зимний сезон, Мавр сделал генеральную уборку в доме, прибрался в саду, запер на два замка кухню, после чего нарядился в генеральскую форму, собрал кое-какие вещички и на пороге огляделся так, будто прощался с прежней жизнью.

Все эти сорок два пенсионных года он жил почти безвыездно и, отправляясь в дальнейшее путешествие, вместе с глубоким чувством несправедливости ощущал некоторый душевный подъем. У него давно сложилось мнение жителя курортной зоны: казалось, люди только и делают, что отдыхают, пьют и веселятся.

И пока он ехал на север, это впечатление только усиливалось. За три дня пути он не встретил ни одного трезвого человека ни на вокзалах, ни в вагонах. По всей стране шагал неведомый праздник, грандиозный загул не прекращался ни днем, ни ночью. Поезда были забиты челноками, которые, едва распахив товар, садились пить, и уже через полчаса стоял дым коромыслом. С генералами и героями тут особенно не церемонились, и Мавр вспоминал свою юность и первую поездку на поезде по России двадцатых годов. Все повторялось с удивительной схожестью, вплоть до слов, манеры поведения и образа мышления. Разве что челноков тогда называли мешочниками, «новых русских» из мягких вагонов – нэпманами, беспризорников – бомжами, а царских беспогонных офицеров – не коммуняками, как сейчас, а недобитыми беляками.

Всю дорогу Мавр покупал газеты и потом досконально изучал их, особенно экономические статьи и обзоры.

В Архангельске он разыскал женскую колонию и почти беспрепятственно явился к начальнику – бледнолицей, заморенной женщине с подполковничьими погонами. Форма и звание никак не соответствовали ее внутреннему состоянию: усталая, остервенелая и глубоко несчастная «хозяйка» была на грани не только своего служебного положения, но и жизни вообще. Ее подопечные чувствовали себя намного лучше, поскольку впереди у них маячила надежда – хоть и не близкий, но конец срока и некая иллюзорная, свободная, новая жизнь. У этой не было на горизонте никакого просвета, а до пенсии добрый десяток лет: она слишком рано и успешно начала делать карьеру, а для женщин в погонах быстрый рост штука заманчивая и опасная...

Когда-то она была властная, жесткая и так много и долго эксплуатировала эти защитные качества, что выдохлась, вылиняла до голой, обнаженной и ранимой кожи.

Здесь еще уважали форму, награды и документов не спрашивали.

– В вашей колонии отбывает срок моя внучка, – сказал Мавр и положил перед ней заявление. – Я приехал из Крыма, прошу вас разрешить суточное свидание.

Она разглядывала генерала, будто картину; в ее комсомольском сознании никак не умещались Герой Советского Союза и какая-то мошенница. В подобную связь было трудно поверить, ибо она давно и прочно усвоила аксиому – дети и тем более внуки генералов не сидят. Правда, через мгновение она вспомнила, в какое время живет, смирилась, пожалела.

– У нас в комнате свиданий... не очень, – говорила окая и смущалась ко всему прочему. – Нет чистого белья...

Хотелось ответить ей, мол, не барин, бывало, месяцами шинель не снимал, вшей об снег выбивал, так что тот становился серый, но «хозяйка» бы не поняла, ибо все, что выше полковника, ей представлялось недостижимой вершиной, особой формой жизни, не подвластной земному и брэнному существованию.

– Я приехал наставить внучку на путь истинный, – скупое и понятно произнес Мавр. – Спать не придется.

И со знанием дела предъявил к осмотру все, что привез для Томилы.

Его проводили в приземистую бревенчатую избушку возле штрафного изолятора; краснощекий маленький прапорщик, неуклюже извиняясь, подчеркнуто формально охлопал генеральский мундир, ниже опустить руки постеснялся и впустил в комнату свиданий.

Через семь минут привели Томилу...

Он поразился ее виду и не смог скрыть чувств: она превратилась в серую, истрепанную куклу, и по торжественному случаю накрашенные глаза и губы лишь подчеркивали это. Она хотела, жаждала нравиться из последних сил, однако место, где очутилась, совершенно не подходило для женского обольщения. И все-таки в ней еще теплилась жизнь или робкая надежда на нее; прежде кокетливая, Томила никогда не могла долго смотреть в одну точку. Взгляд ее бегал вслед легким, стремительным мыслям и быстро меняющимся настроениям. Было время, когда она вдруг начала стремительно матереть – в период всеобщего упадка жизни, но длилось это недолго, три-четыре года и, едва выкарабкалась из унижающей нищеты, как сразу же оперилась, расцвела, и если не помолодела, то вернула утраченный шарм и, как раньше, застреляла глазками.

Мавр впервые разглядел ее остановившиеся глаза, темные от увеличенных зрачков и колюче-блестящие, как у волчицы.

– Что?.. Не видел меня такой?.. Посмотри.

А сама одергивала коротковатое серое платье с биркой на левой груди и нервно переступала скрипучими резиновыми сапогами, словно готовилась в любой момент отпрыгнуть и скрыться за дверь. Мавр молча обнял ее, слегка прижал, чтобы преодолеть тихое сопротивление и, когда сломал его, подвел к стулу и усадил.

– Давай сначала проясним ситуацию. За что тебя определили на нары?

– Теперь не имеет значения... Говорила же, повторю судьбу отца. Так бывает, если очень любишь. Вот и все. А что приехал, спасибо.

– Ты брала деньги в долг на всю компанию?

– На закупку партии товара.

– И девочки тебя предали?

– Кинули... Это в порядке вещей.

– Имущество конфисковали?

– Основное продала сама... Все ушло на погашение кредитов... И не хватило.

– Где сын?

– Отправила к отцу... Но остался дедушка – мой папа. – Слез у нее не было, вместо них глаза становились еще чернее. – Выписался и сам ушел в барак на лесозаводе. Говорит, так мне привычней. Теперь бомж... Чтоб меня спасти, чтоб квартиру продать...

– Все, больше ни слова, – оборвал ее Мавр. – Обстановка понятна. Сколько будет, когда выйдешь?

– Сорок пять...

– Баба ягодка опять... Мне девяносто. Нормальный ход. По новой моде сейчас и в зоне брака свершаются, не только на небесах. Предлагаю тебе руку и сердце.

– Что?.. – Волчица оскалилась, пригибаясь, попятилась к двери. – Приехал издеваться надо мной?.. Свидание окончено, убирайся.

Он властно взял ее за руку, силой вернул на место.

– Ты же хотела, чтобы я перевернул мир хотя бы для одного человека? Это правда, я никому не дарил цветов. Ни живых, ни железных.

– А как же могила твоей жены?!

– Сейчас она поймет меня и простит.

- Пожалел? Смиловился? Что же ты раньше...
- Раньше это был бы неравный брак! Нечестный.
- А теперь будет честный?!
- Старость и неволя – всегда сверстники. Мы оба за решеткой.
- Томила спрятала клыки, вроде бы даже хвостом вильнула.
- Зачем тебе это, Мавр?.. Сумасшедший дом. Ты что, альтруист? Филантроп?
- Эгоист. И думаю только о себе. Но пять лет подожду...
- Ты правда генерал? – Волчий блеск вроде бы сморгнулся. – В форме... А я думала – театр.
- Правда... Ну так что? Жду ответа, как соловей лета.
- Нет! – отрезала она. – Теперь меня не поймут...
- Кто? Марина с Леной? Начальник колонии? Сокамерницы?
- Мне на них!.. – Томила внезапно выругалась матом и замерла от испуга.
- И мне тоже! – подтвердил он, повторив ругательство. – Все! Сейчас иду к начальству договариваться о регистрации. И больше не противься!
- Все равно – нет, – глухо и неуверенно произнесла Томила.
- Так... Значит, ты хочешь, чтобы твой отец бомжевал по баракам?
- Она вскинулась, округлила глаза.
- А ты?.. Ты хочешь взять папу?..
- Не бросать же тестя на произвол судьбы.
- Мавр... Виктор Сергеевич... Вы... Если вы не сумасшедший, то добрый, как папа...
- Короче, не слышу ответа!
- Ты хочешь жениться по расчету?
- Разумеется! Какая любовь в наши годы? Мне нужен твой отец – художник.
- Она приняла это за здоровый цинизм и сама будто бы отшутилась так же.
- Тогда и я по расчету. Генеральша и на зоне генеральша.
- Другое дело! – Он поцеловал Томилу в лоб.
- Но он же инвалид! – вдруг спохватилась она. – На протезе ходит, с ним столько хлопот, а я...
- А ты пока посиди, мы разберемся. – Мавр подошел к двери и постучал. – Охрана! Отворяй!

* * *

В советские времена на весь Архангельск был один генерал, и то милицейский, начальник УВД, а к девяносто пятому их насчитывалось уже с десяток всяких – прокурорских, налоговых, военкоматовских, управления исправительных учреждений, природоохранных и даже начальник охотуправления надел плетеные погоны и штаны с лампасами! (Это все ему рассказала начальница колонии.) Затеряться среди них простому военному генералу в полевой шинели было довольно легко, а он уже чувствовал потребность меньше светиться на глазах у добропорядочных граждан. Загар к концу октября смылся больше чем наполовину, и Мавр выглядел смуглым, восточного типа шестидесятилетним человеком. Проще всего незаметно передвигаться по городу и одновременно держать генеральскую марку было в такси, но в связи с тем, что на его руках теперь оказывался еще и новоиспеченный тесть, Василий Егорович При-тыкин, Мавр вынужден был экономить. И все-таки на следующий день, можно сказать, после первой брачной ночи, счастливый молодожен поехал искать брошенный лесозавод, подрядив частника. По дороге тот рассказал, что место это считается чуть ли не проклятым пристанищем бродяг, бомжей и прочей швали, которые заселили жилую зону после того, как закончился на реках молевой сплав и предприятие вылетело в трубу.

Зрелище на самом деле выглядело печально, и даже первый снег не смог скрасить разора и мерзости запустения. Промзону лесозавода давно растащили и пожгли, но жилая зона еще стояла да еще и на красивом берегу реки, огороженная трехметровым поломанным забором: когда-то здесь работали «химики» и ссыльнопоселенцы. И бараки были еще ничего, на окнах кое-где даже занавески есть. Появление генерала вызвало тихое изумление у обитателей, привыкших только к милицейской форме и малым званиям. Молчаливые, серо-синие и беспомельные люди тарасились беззлобно и по-детски любопытно. Мавр спросил Василия Егоровича, однако ни по имени, ни по фамилии такого не знали. Привычные человеческие опознавательные знаки уже были ни к чему, существующий здесь мир человекоподобных давно обратился к приметам естественным, природным: одноногий дед оказался всем известен и вроде бы даже почитаем, ибо из собравшейся толпы теней выдвинулся, как почудилось, худенький мальчик и тотчас вызвался проводить.

Они пошли вдоль барачков к головному, двухэтажному, и по пути, расспрашивая проводника, Мавр назвал его мальчиком, на что тот ответил с легким вызовом:

– Я не мальчик!

– Значит, молодой старичок! – безобидно пошутил Мавр.

– Я – женщина! – с достоинством заявило это существо и стащило с головы серо-синюю, когда-то вязаную шапочку.

Из-под нее высыпались длинные, не мытые серые волосы. На кончиках, как остатки былой роскоши, виднелась краска цвета спелой вишни...

Женщина привела Мавра на второй этаж, оставила у двери в темном, пахнущем тюрьмой коридоре и, постучавшись, вошла. Что говорила, было не слышно, однако минуты через три под яростный мат выскочила обратно и бросилась вниз по лестнице.

Кажется, тесть гостеприимством не отличался или находился в плохом настроении.

Мавр шагнул через порог и сощурился от яркого света: чуть ли не во всю стену было сдвоенное окно на солнечную сторону. Василий Егорович полулежал на скрипучем, продавленном диване и смотрел немой телевизор. Это был старик лет под восемьдесят, с белой и густой, как у Карла Маркса, бородой и суровым, немилостливым взором глубоко посаженных глаз. Вместо правой ноги торчала культя, обернутая штаниной.

– Здорово, Василий Егорыч! – весело сказал Мавр. – Вот ты куда забрался!

Тот смотрел пытливо, строго и с заметной настороженностью. Изучал, исследовал, сканировал его с упрямством машины: это был сильный, умный и безбоязненный человек, но побитый жизнью, как сукно молью: полуобнаженные руки от пальцев до локтевых сгибов были увиты синими наколками, просвечивающими сквозь густой седой волос. И ни одной дешевенькой – все высокохудожественная работа, от банального северного солнца до сцены грехопадения Адама и Евы возле древа познания, которым служила сама рука.

Видно, у Томилы на роду было написано – посидеть в тюрьме: папаша оттянул не один срок...

– Не знаю. Кто такой? – выгреб из газет, лежащих на табурете, очки с мутными стеклами, надел. – Вроде бы не знакомы.

Мавр не спеша расстегнул и снял шинель: в комнате было тепло и довольно уютно – даже обои свежие. В переднем углу стоял школьный верстак с горой мелких стружек, а на стене десятка четыре всевозможных резцов по дереву и множество карандашных рисунков, непонятных набросков и несколько готовых работ с орнаментами – все выдавало увлечения хозяина.

Мавр медлил, искал, куда повесить фуражку, пристраивал шинель на спинке дивана. Освобожденные ордена и медали звенели от каждого движения.

– Давай знакомиться! – подал руку. – Виктор Сергеевич Коноплев, твой зять.

Или тестю не помогали очки, или он все-таки заволновался – снимал и надевал их несколько раз, пока не отшвырнул в сторону.

– Это как понимать?

– Вчера я вступил в законный брак с твоей дочерью Томилой, – с гордостью заявил Мавр. – Держи руку, папа.

– Что ты мелешь? – Василий Егорович проворно сел и свесил босую ногу. – Моя дочь... выйти замуж не в состоянии! Она находится...

– Отстал ты, дорогой тесть! – Мавр достал из нагрудного кармана свидетельство о браке. – Сейчас и на зонах венчают. И даже с удовольствием. Говорят, у заключенных повышается интерес к жизни и желание поскорее исправиться. Теперь это вместо идеологии.

Василий Егорович был сбит с толку окончательно. Бывалый и независимый, он несколько раз вслух принимался читать написанное в зеленых корочках, но едва доходил до имени своей дочери, как вскидывал жесткий взгляд и тупо глядел на Мавра. Наконец, дочитал, разглядел печать с гербом и все равно не успокоился.

– Дай паспорт!

После тщательного изучения документа – особенно свежего штампа о браке – все вернул назад, ловко проскакал на одной ноге к чайнику на плитке, напился из носика.

– Ты чего же, из Крыма сюда жениться приехал?

– Не только, дел у меня много задумано. Особенно в Москве.

– Где она тебя такого нашла? – растерянно спросил тесть.

– На юге, – с удовольствием признался Мавр и посмотрел в окно – хорошо было видно улицу и подъезд к жилой зоне. – Она не говорила, к кому ездила отдыхать в Соленую Бухту?

– Погоди-погоди. – Он на миг оживился. – Говорила... Забыл, как зовут. Негр?

– Мавр!

Василий Егорович снова впился в него взглядом и стиснул губы, едва видимые в щелке под усами.

– Сколько же тебе лет? – спросил сквозь зубы.

Из телевизора иногда вырывался хрипящий звук, но тогда экран начинал мигать.

– Много. Пожалуй, больше, чем тебе, папа. Но ты не суди по годам. Давай на руках потягемся?

– А, это ты с Юркой тягался?

– Было дело...

– Хороший он парень был, Юрка, – на мгновение загоревал тесть. – Ей все чего-то надо было, стихи там, поэзия... Слушай, как тебя... А где мы встречались? Что-то мне лицо знакомо...

– Не знаю... Может, Томила фотографии показывала? Они много снимались...

– Верно, на карточках видел... Только ты там черный такой...

– Загораю с весны до осени. У нас тепло, солнце. – Он уже начал подготовительный разговор. – И нам надо спешить, можем на поезд опоздать...

Василий Егорович перебил резко, с внезапной злостью:

– Зачем ты женился? Я не понял! Какая тебе выгода? Она на зоне. Моя Томилка на зоне! Понимаешь?!

– А что, женятся только по выгоде? По расчету? – осадил его Мавр и добавил: – И еще, Василий Егорыч. Не кричи больше на меня, не привык. Я все-таки генерал...

Нервы у него были изношены, однако совладать со своими чувствами он сумел.

– Извини, – обронил тесть и, подскакав к телевизору, выдернул шнур из розетки. – Не могу понять... Ей-то зачем это надо?

– Генеральша, она и на зоне генеральша, – словами Томилы сказал Мавр. – Ей легче будет сидеть, а мне за нее похлопотать есть основания... А когда отсидит – куда? К тебе в эту нору?

– Верно... Когда на воле есть надежда – сидится дольше, но спокойно.

– Вот, ты же знаешь... К чему такие вопросы? – Кроме подъезда хорошо был различим небольшой мостик через речку: если там появятся машины, в запасе остается добрых пять – семь минут...

– Да, генеральша, – после паузы заговорил тесть. – И вот так, за красивые глаза женился?

– Не только за глаза...

– Надо понимать, брак фиктивный?

– С чего ты взял? Она давно мне нравилась...

– Значит, ты у Юрки Томилу отбил? Так получается!

Мавр подошел к верстаку: под стружками лежал недоделанный деревянный протез в форме человеческой ноги – даже пальцы и ногти на них вырезаны с любовью...

Этакая рукодельная зековская работа, но со вкусом и без пошлости.

– Сам подумай, Василий Егорыч. Ну как может старик отбить жену у молодого парня? А мне тогда под восемьдесят было!

Он молчал минуты две, возможно, ругал себя за ворчливость и недоверие и одновременно продолжал буравить его взглядом.

– Так ты с ней жить собираешься?

– Сначала дождусь из тюрьмы... Слушай, дорогой тесть, давай все детали обсудим по дороге. Сядем в автобус и попылим малой скоростью...

Тот не слушал.

– А если помрешь?

– Во-первых, мне намерено впереди еще сорок пять...

– Хорошо ты себе намерил...

– Это не я – судьба такая... И Томиле еще столько же выпадает. Проживем счастливо и умрем в один день.

– Генерал, в звездах и орденах, а как пацан...

– Вот, а ты говоришь – старик!.. Во-вторых, если умру, жене моей законной я отписал каменный дом на берегу моря, с садом и виноградником, винный погреб с семнадцатью бочками, и в пяти из них – коньяк на выдержке, еще не распечатывал. А еще созревшего разлито в триста сорок две бутылки, пьется лучше, чем Двин.

– Богатый жених...

– Муж! – Мавр постучал пальцем по карману, где лежало свидетельство.

– У тебя что, никого своих нет? Детей?

– Сын рано умер, в пятьдесят девять. Инфаркт...

– Понятно... А ты где служил-то, зятек? – вдруг спросил он. – В каких войсках?

– Во всяких, папа, – отмахнулся Мавр. – Мемуары потом, а сейчас есть к тебе разговор, Василий Егорыч. Скажем так, согласованный с Томилой.

– Ну и что говорит она?

– А чтоб ты сегодня же собрался и поехал домой, в Крым.

– Это как – домой?

– Не оставлю же я тестя в этом бараке?

– Нет, я никуда не поеду. – Он помотал головой и потупился. – На свидания буду ходить к Томилке... Черт те куда ехать – в Крым!

– Это же не в Нарым, Василий Егорыч!

– Я и не был там никогда!

– Вот и побудешь...

– Зачем я тебе сдался? Одноногий старик!.. Нет!

– Конечно, ты не подарок, но куда деваться? Не бойся, я тебе работу дам, не в нахлебники пойдешь.

– Какую работу? – спрятал глаза под бровями.
– По специальности!.. Кстати, ногу-то на фронте потерял?
– Тебе какое дело? Где бы ни потерял – новая не вырастет.
Мавр достал письмо, протянул тестю и стал глядеть в окно.
– Читай. И собирайся! Через три часа поезд, а у нас и билетов нема, и как автобус ходит – не знаю.

На мостике было пусто: к лесозаводу шла хозяйственная гравийка, и другим путем сюда не попасть...

Василий Егорович долго смотрел в письмо – то ли перечитывал, то ли думал; глаза его как бы вышли из-за прикрытия бровей и нависающих бровных дуг, чуть потептели.

– У меня тоже вот... Одна-единственная дочка. Женился поздно, почти в сорок...

– Ладно, тесть! Это на потом. Сейчас собирайся!

– А ты на меня не покрикивай! – вдруг взъерепенился он. – Гляди-ка, генерал, командует тут!.. Мне еще протез обуть надо, культю подогнать, облегчить... Вещи собрать!

– Возьми самое дорогое и едем, – мягче сказал Мавр. – У меня плохие предчувствия, поезд без нас – ту-ту... Фотографии, документы... Даже белья не надо. Ну, конечно, инструменты...

– У меня вон два полушубка, валенки, штаны ватные – что, брошу?!

– Зачем тебе в Крыму полушубки?

Он неожиданно засмеялся:

– Томилка пишет, ты можешь похлопотать, чтоб срок скостили? Ты что, и правда можешь?

– погоди, дед, доберемся до Москвы, похлопочем...

– Какой я тебе дед? – обиделся Василий Егорович. – Да я моложе тебя! Дед... Слушай, а пенсия? Я по старости получаю, все-таки сто десять тысяч...

Бутылка водки стоила уже тридцать. Мавр стал собирать инструменты со стены, а тесть вдруг подпрыгнул к окну и, согнув шею, выглянул из-за косяка...

– Ата! Облава!

Ни на улице, ни за изгородью на проселке никого не было, да и мостик с изгибом дороги оказался пустым, но население жилой зоны, эти серые, одинаковые люди буквально летели в сторону промышленной, словно птичья стая, одновременно меняя направление и организовано покидая насиженное место. Бесшумная эта тревога в единый миг всколыхнула все бараки, и уже внизу слышался топот и стук дверей; откуда-то взялись дети – около десятка разного возраста, табун цыганок в пестрых одеждах и даже существо с грудным младенцем на руках. Прошло минуты полторы, и все кончилось, территория зоны была пуста, и лишь следы по свежему снегу, в том числе и босых ног, остались, как строчки письма на чистом листе.

И тот же час на улице показались две машины: милицейский «уазик» и белая «неотложка». Они вывернулись из-за крайнего барака и на полном ходу помчались к двухэтажке.

– Что-то не похоже на облаву, – сказал тесть, не сводя взгляда с Мавра. – Они сначала оцепление ставят, а эти...

– За мной приехали, – спокойно обронил тот, глядя, как из машины вылетают двое с автоматами и в масках, и двое – в гражданском. – Говорил, надо быстрее...

Глаза Василия Егоровича снова спрятались под брови – смерил генерала с головы до ног.

– Герой... Советского Союза!.. А я ведь тебя узнал. Увидел в профиле и узнал... На щеке у тебя не морщина и не складка – шрам. Ну-ка, покажи! Моя метка!

И полез щупать корявыми, изрезанными пальцами...

То, что его не оставят в покое, Мавр понял сразу же, как только заявил начальнице колонии о своем намерении жениться. Она не умела прятать чувств; на ее бледном, простоватом

лице вначале вспыхнул целый букет – от изумления до глухой, тихой подозрительности. Он сразу же повинился, что солгал про внучку, что у них нет никакого родства, и ложь эта благородна, поскольку он подобных мыслей не держал, когда ехал сюда. Мол, когда увидел истерзанного и глубоко несчастного человека, решил если не спасти, то хоть как-нибудь помочь. А замужество для Томилы – спасение, ибо она давно страдает от одиночества и в таком состоянии может погибнуть в лагере.

Он врал искусно, даже прощения попросил, однако уже чувал, напрасно. А когда «хозяйка» услышала весть, что этот ненормальный генерал в местной нотариальной конторе еще и дом в Крыму жене отписал, вообще замкнулась и выразительно замолчала. От немедленных разборок ее удерживала непростительная и глупая ошибка, допущенная еще утром, – не проверила документы, запустила в зону и разрешила свидание неизвестному человеку, скорее всего, душевнобольному, авантюристу или циничному преступнику, воспользовавшемуся генеральской формой и наградами. Если его сейчас же сдать своим операм или органам, на следствии обязательно выяснится, как он пил чай с «хозяйкой», как она лично провела его через КПП и дала прапорщика в денщики – чтоб и в магазин за продуктами бегал, когда требуется, кипятилок приносил и еще охранял тишину и покой.

Кто его знает, а вдруг он на самом деле генерал, Герой да еще со связями? Со сдвигом, коль решил жениться на эчке, но со связями?

Мавр чувствовал ее душевную борьбу и пытался не то чтобы рассеять подозрения, а хотя бы сгладить их, снизить накал страсти.

– Как только будет отпуск, приезжайте ко мне в Крым, – как бы предлагал он взятку. – Дом стоит в тридцати метрах от моря! Великолепный сад, виноградник, винный погреб, прошу заметить! Спросите Томилу, она расскажет...

Она не покупалась, хотя вежливо кивала, приводила какие-то глупые аргументы, а сама лихорадочно соображала, как поступить. С той поры, как к экам каждую неделю стал приезжать священник, она начала проникаться христианскими заповедями, ибо никаких других уже не оставалось, а жизнь стремительно катила под гору. (Это Мавр узнал еще утром, за чаем.) И теперь «хозяйка» никак не могла решить, по-божески будет отказать в регистрации или нет? Самое главное, не нашла причин, чтоб отказать, даже после того, как под предлогом требуемый ЗАГСа взяла у него паспорт.

Потом уж и деваться некуда было...

Двадцатилетняя девчонка окрутила их за три минуты и еще десять выписывала документы.

Мавр знал: как только он достаточно удалится от колонии, так сразу же будет сигнал куда надо, с какой-нибудь несурaziцей. Не зря же из «скорой» вылезли два могучих санитаря, а орелики в гражданском бежали вприпрыжку по лестнице, помахивая пистолетиками...

А тут еще тесть пристал – исследовал складку на щеке, обнаружил шрам и кинулся на шею. Чувства его захлестывали, и было непонятно, обнимает он или душит; сказать ничего не мог, только низко и жалобно урчал, словно рассерженный бык.

– В рот тебя по нотам! Падла!.. Точно ты... Ах ты, сука! Не прошу!

Оперативники ворвались, когда Мавр с Василием Егоровичем возились на полу, разгребая стружки. Отцепиться от тестя оказалось невозможно: тренированный, цепкие руки драли мундир, отшелушивая награды. Их растаскивали сначала двое гражданских, затем прибежали санитары и эти двое, в масках – разодрали с треском, в руке тестя остался плетеный генеральский погон, и уже будучи в состоянии аффекта, он ничего не видел перед собой и драл бронжилет на автоматчике. На них попытались натянуть смирительные рубашки, но ничего не вышло, сами запутались в тряпье, и в результате оба оказались в наручниках. Эти шестеро здоровых малых запыхались, пока скручивали, и разозлились; у одного, в гражданском, так и

вовсе было больное сердце, и по лицу разливалась нехорошая бледность. Он матерился и что-то искал на полу, разметая стружки.

– Притыкин! – обрадовался второй, более веселый и сильный, выворачивая карманы Мавра. – А я думаю, куда ты заплыл? Не видать, не слышать... Это что за генерал к тебе пожаловал?

Василий Егорович пришел в себя и, увидев закованного зятя, которого шмонали грубо и бесцеремонно, немного оторопел. После схватки и сильного нервного возбуждения у него заплетался язык.

– Вы что, и его... в браслеты законали? – невнятно пробубнил он.

– Что? – опер вытащил документы у Мавра, а один из автоматчиков рывком поставил старика на единственную ногу.

– Он ваш, сука, – не совсем уверенно пролепетал тесть, качаясь.

– У нас таких нет, – засмеялся веселый. – Сейчас глянем, кого тут пригрел... Коноплев Виктор Сергеевич, год рождения двадцатого сентября одна тысяча... девятьсот девятого... Это ты с девятого?

Мавр ловко вскочил на ноги, и автоматчик в маске тут же очутился рядом.

– Стоять!

– Сколько же тебе лет, дедушка?

– А ты посчитай, – спокойно сказал он и сдвинулся чуть правее – к электрическому наждаку возле верстака, на котором тесть правил резцы.

Веселый приблизился к окну, посмотрел в косом свете, не переклеена ли фотография, полистал и глянул прописку.

– Поселок Соленая Бухта, Крымской области. Иностранец?... Где ксиву купил?

– В советской милиции, – обронил Мавр. – Ксива натуральная.

– Хочешь сказать, тебе восемьдесят пять?

Тесть смотрел на него диковато и возбужденно, брови приподнялись и обнажили глаза. Мавр окончательно заслонил спиной наждак и нашупал кнопку под кругом.

– Хорошо сохранился, у моря живу.

– А генеральская форма откуда?

– В Ялте купил. Сейчас же все покупается и продается... Рынок!

Веселый опер глянул в свидетельство о браке, хмыкнул – о женитьбе ему было все известно – после чего стал снимать резинки с пачки удостоверений к наградам.

– А ты руки помыл? – с вызовом спросил Мавр.

Тот не ответил, развернул пленку и открыл первую книжечку.

Наждак включился с пронзительным, шипящим воем – обороты высокие, вся группа захвата вместе с санитарями от неожиданности качнулась, услышав непонятный звук и в первое мгновение не в силах объяснить его природу. Тонкий круг взвизгнул, и звено цепочки от наручников развалилось на две части. Мавр сделал шаг в сторону и показал руки с браслетами.

– Соберу награды – закуете! – и присев, поднял оторванный от колодки орден Ленина.

В следующий миг возник короткий и злой переполох: Мавра прижали стволом автомата к стене, стали искать другие наручники, но их не оказалось.

– А ну, сволочи, соберите награды! – крикнул Мавр. – Не позволю топтать! Если б за каждую столько погорбались – не топтали бы!

Тесть стоял на одной ноге, как побитый петушок, и таранился на все происходящее с тихим изумлением. Молчаливый опер нагнулся и поднял юбилейную медаль, а веселый враз погрузнел, спрятал пачку удостоверений в карман и приказал выводить задержанных на улицу. Мавра схватили за руки автоматчики, санитары уцепились за тестя, но тут Василий Егорович вдруг обрел голос, заорал громко и решительно:

– Без протеза не пойду! Не имеете права брать инвалида без протеза! Есть закон!

Веселый распорядился надеть Притыкину деревянную ногу, и санитары принялись всовывать культю в ложе протеза. У них ничего не получалось, однако наручники со старика снять не решились, а он еще и мешал, капризничал – кое-как приделали деревяшку, затянули ремни поверх брюк и повели вперед.

– Ты меня прости, – вдруг повинулся тесть перед Мавром, – я сдуру накинулся, вот нас и повязали под шумок. Перепутал я...

А спустя три минуты, когда ковылял по лестнице вниз, обвисая на руках санитаров, неожиданно похвастался:

– Эх, зятек, какую ногу я себе сделал! Мне один мужик с Украины болванку привез, старая акация. Кость, а не дерево! Не износить!.. Жалко, обувь не успел, замызгаю в грязи, размокнет...

Белая деревянная ступня ковыряла грязь, между аккуратно выточенными пальцами фонтанчиками выжималась снежная каша...

* * *

Их привезли в районный отдел милиции и посадили за решетку напротив дежурного. В клетке было еще человека четыре, сидящих по углам, будто рассорившаяся компания, но при появлении новичков все вытаращились, и кто откровенно, кто искоса, стали рассматривать увешанного орденами генерала. А они устроились на скамейке бок о бок с тестем, помолчали, осваиваясь в новом пространстве.

– Ты извини меня, – вдруг сказал Василий Егорович, глядя в сторону. – Обознался... С ментом одним спутал, энкавэдэшником. Здорово похож. Вот только забыл, на какой щеке у него шрам, – на левой или правой?

Клетка на него подействовала неожиданно: стал мягкий, рассудительный, враз исчезла нервность и скачки настроения. Он будто бы успокоился, угодив в привычное место.

– Сколько ты отбарабанил? – между прочим спросил Мавр. – Судя по наколкам, в авторитете был...

– В общей сложности тридцать один и пять ссылки, – с достоинством сказал и глаза больше не прятал под бровями. – И все в этих краях...

– Пятьдесят седьмая?

Тесть загадочно усмехнулся, взгляд потеплел – юность вспомнил...

– Ты-то, вроде, тоже... барабанил?

– Почти столько же. И до сих пор в ссылке.

– Ох, и не прост же ты, герой! Темнила... Извини, я тут камуфляж тебе немного попортил, – кивнул на оторванный погон. – И картавого оторвал...

– Пришьешь и приделаешь! Ты же у нас рукодельный.

– Выпустят – пришью, – пообещал он. – Как ты мыслишь, долго нам париться?

– Я ваших ментов не знаю. Скорее всего круглые дураки. Значит, ночь пропарят точно...

– Они тут не дураки! Далеко не дураки.

– Что же тогда хватают генерала, Героя Советского Союза, да еще в наручники?

– Я таких «героев» повидал. Мода вернулась, что ли?

– Какая мода?

– Под служивых косить.

– Да пошел ты... папочка!

Тесть отстегнул ремни протеза, размял культю руками.

– Ты вот что скажи мне, умник. До каких пор нас ломать будут через колено? Ведь уж никаких сил нет у людей! Ведь когда поднимемся – всем тошно будет.

– Это кто поднимется? Ты на деревянной ноге?

В это время к клетке подбежал опер с ключом, отомкнул замок, сказал звенящим голосом:

– Коноплев, на выход!

Мавр взял шинель на руку, надел фуражку.

– Завтра поезд утром. Смотри, не проспи. Накажи дежурному, чтоб разбудил в семь.

– Думаешь, выпустят? – безнадежно спросил тесть.

– Билеты купят и к поезду принесут.

– Жалко, так и не побываю в Крыму, в море не покупаюсь...

– Томила проводить придет на вокзал. – Он притворил за собой дверь и тут же очутился под опекой конвоиров. – Не проспи, я рано заеду!

На улице перед ним распахнули дверцу «Волги», помогли сесть на заднее сиденье, и Мавр увидел на переднем лысоватого, с тонкими рыжими усиками, человека. Он покосился на арестованного, задержал взгляд на орденах, сказал добродушно:

– Ну что, генерал, поехали?

– А вот фамильярности не люблю, – сказал Мавр высокомерно. – И неплохо бы представиться. Как положено.

– Подполковник Рябов. Устраивает?

– Начальник управления на месте?

– К сожалению, в командировке. И будет через трое суток, не раньше, товарищ генерал-лейтенант, – выговаривал тщательно, издевался. – Если есть настроение подождать, отведу в камеру, ждите. Нет – придется беседовать со мной.

– Придется так придется...

– А погон мы тебе пришьем.

Мавр лишь усмехнулся и, склонившись к его уху, обронил низким урчащим басом:

– Шей. Да смотри, не уколись.

Спустя четверть часа, уже в своем кабинете местного ФСБ Рябов попросил снять китель, дескать, портному снесут, и вдруг стал жестким и категоричным.

– На каком основании вы носите генеральскую форму?

– Юношеская мечта! – засмеялся Мавр. – Очень уж хотелось стать генералом. Да... Теперь вот в детство впадаю, вернее, в юность. Женился вчера...

– Это известно, – перебил он. – Отвечайте на вопрос!

– Форму купил на рынке. Знаешь, приятно, все-таки еще уважают генералов в нашем отечестве.

Подполковник вызвал конвой и отправил Мавра в одиночку. Камера в подвале оказалась холодной, а он остался в одной рубашке с погонами, и через час южный житель начал мерзнуть.

Он постучал в дверь, попросил дать ему одеяло, однако дежурный заявил, что постель выдается только на ночь, а так не положено. И все-таки спустя еще час принес ему шинель с оторванными погонами и петлицами.

– Это что такое? – прорычал Мавр. – Кто посмел снять погоны?!

– Не знаю, – дежурный запер решетчатую дверь. – Обращайтесь к начальству.

Завернувшись в шинель, он просидел до ужина, а на ночь дежурный принес тюфяк и одеяло. Несмотря на холод, Мавр снял рубашку и брюки, чтоб не помять и завалился спать.

В половине девятого утра, сразу после завтрака, его вызвали на допрос. В кабинете сидел подполковник Рябов и еще один в гражданском – тучный, молчаливый человек средних лет.

– Как спалось, Виктор Сергеевич? – участливо поинтересовался Рябов. – Не замерзли?

– Кто снял погоны с шинели? – мрачно спросил Мавр, глядя на толстого – очень уж напоминал начальника.

– Я приказал! – признался подполковник. – Ношение военной формы одежды со знаками различия без соответствующих документов не разрешается.

– Это хорошо, – Мавр повеселел. – А я уж думал, все можно... Но пока не пришьешь, разговора не будет. Вызывай конвой.

– Если больше нравится в камере – пожалуйста!

Его снова отвели в подвал и забыли на три с половиной часа. Сидеть тут еще одну ночь Мавру не хотелось, да и некогда было, хоть бы сегодня на поезд не опоздать. Надо было слегка сломаться, пойти на уступки, чтоб эти молодые подполковники почувствовали себя профессионалами. Он постучал в дверь и сказал дежурному, что готов разговаривать.

Через семнадцать минут его снова привели к Рябову. Тот был один и выглядел намного смелее и разговаривал резче.

– Объясните, каким образом к вам попали чужие правительственные награды? – отчеканил он.

– С рынка! – заявил Мавр не моргнув глазом. – Все оттуда – форма, награды. Сейчас же у нас рыночные отношения.

– Купили вместе с документами?

– Разумеется...

– И паспорт там же приобрели?

– Нет, паспорт у меня настоящий.

– Почему же документы на награды и паспорт на одно и то же лицо?

– Да, вот тут вы меня поймали! – усмехнулся он. – Не выкрутитесь!.. Ладно, так и быть, скажу. Форму купил, а награды мои.

– Все? Весь комплект, что был на кителе?

– До последней юбилейной!

– Но это ложь, Виктор Сергеевич.

– Вероятно, слышали такое понятие, как презумпция невиновности? Не верите – докажите обратное.

– Часть орденов и Звезда Героя принадлежат сотруднику НКВД, заслуженному человеку, только полковнику, – чеканил Рябов слова. – И пока я не услышу вразумительного ответа, который можно проверить, вас отсюда не выпустят. Так будет разговор?

– Я бы с тобой поговорил, да в следующий раз, сейчас некогда, – пробасил Мавр. – В милиции у меня тесть остался, за решеткой сидит. Человек всю жизнь по лагерям мытарился, и надо бы на старости лет его в Крым свозить, в море покупать. У нас поезд через полтора часа.

– Может, не будем дурака валять, Виктор Сергеевич? – Рябов пригасил напор. – Не семнадцать лет все-таки.

– Да уж... Но хочется иногда...

– Что вас связывает с Притыкиным?

– Как же! Со вчерашнего дня он мой тесть.

– Это известно... А вы имеете представление, кто он такой?

– В общих чертах. Вчера познакомились. Отойдет немного, поправится под южным солнцем, может, и расскажет.

– С его дочерью давно знакомы?

– Можно сказать, на руках выросла.

– Надеюсь, знаете, что она – мошенница?

Мавр глянул исподлобья.

– Не смейте так говорить о моей жене, подполковник! Иначе я не стану с вами разговаривать.

– Но вам известно, за что ее осудили на пять лет?

– Ее подставили подруги – это мне известно.

– Вы по-прежнему утверждаете, что приехали в Архангельск, чтобы заключить с ней брак?

– Да, и я это сделал!

– Человек в преклонном возрасте... судя по паспорту, и сорокалетняя женщина. – Он будто бы с сожалением вздохнул. – Как прикажете понимать? Брак по любви? По расчету?

– По любви и расчету.

– Я бы поверил вам, – подполковник встал, показывая тем самым, что приступает к новому этапу допроса. – Но есть одно странное совпадение... товарищ генерал. Вашего тестя Притыкина Василия Егоровича впервые схватил за руку и усадил в тюрьму оперативный уполномоченный Пронский, еще в сороковом году. Тот самый заслуженный работник НКВД, часть наград которого оказалась у вас. Звезда Героя, два ордена Ленина, три Красного Знамени. Документы выписаны на Коноплева, однако номера на Звезде и орденах не сходятся. И полностью соответствуют наградам, врученным во время войны полковнику Пронскому... Каким образом они попали в вашу коллекцию, да еще с другими документами? Кстати, выписанными лишь в пятьдесят пятом году?

– Не может быть! – отрезал Мавр.

– Что не может быть?

– Скажи-ка мне, подполковник, за что этот Пронский усадил моего тестя?

– А у него статья как судьба, одна и на всю жизнь. Фальшивомонетчик!

– Да? Как интересно! – не сдержал восторга Мавр. – Хорошая у тестя профессия! То, что надо!

– Это как понимать? – прищурился Рябов.

– Неужели крестник?... погоди, а каким образом стало известно, что дело вел Пронский?

– Запрос сделали, подняли старые дела.

– Это невозможно! Дела, которые вел Пронский, уничтожены.

– Откуда такая информация? – Он не мог скрыть удивления.

– От верблюда...

– Оказалось, сохранили! Но вытащили из какого-то спецархива.

– Все равно не может быть! Я их всех помню, как детей. Притыкина среди фальшивомонетчиков того времени не было!

– Откуда вам знать – было, не было?

– Я не слышал такой фамилии!

– Вот как! А Самохина помните? Слышали о таком?

– Фальшивомонетчик Самохин был студентом Строгановского училища, между прочим. – Мавр помедлил. – Резал деревянные клише на досках из выдержанной акации...

И замолк, вспомнив верстак и резцы в комнате у тестя.

– Он женился и взял фамилию жены, Притыкиной Варвары Михайловны, вашей покойной тещи.

– Не верится, – сам себе сказал Мавр потрясенно. – Такой круг пройти, чтоб снова пути пересеклись... Вот почему он накинуся!

– Все возвращается на круги своя, – блеснул ученостью Рябов. – Фатальная неизбежность...

– Ничего себе, встреча!.. Он ведь узнал меня! То-то шрам полез щупать...

– Узнал? Любопытно! – Подполковник встал сзади Мавра. – Хотите сказать, вы упекли тестя? И фамилия ваша Пронский? А Коноплевым стали, конечно же, после женитьбы?

– Уйди из-за спины, не люблю! – прорычал Мавр. – Сядь и не прыгай. Хотите сказать!.. Что я хочу сказать, ты еще слушать не дорос! Я действительно Александр Романович Пронский. Пригласи начальника управления!

Рябов не сел, однако и в затылок больше не дышал, зашел сбоку.

– Прикинуться душевнобольным не выйдет. Не советую вам кричать, буйствовать, все это бесполезно... В нашем регионе время от времени появляется фальшивая валюта. Очень высо-

кого качества, в Москву на экспертизу отправляем – фальшивая. А в последнее время и российские дензнаки. Вам, Виктор Сергеевич, и в самом деле не семнадцать лет, тем более вашему подельнику Притыкину... Право же, смешно утверждать, что вы – Пронский. Несмотря на его награды, попавшие к вам...

– Я требую начальника управления!

– Может быть, настала пора снять грех с души?

– Ну, будь по-твоему. Настала так настала, – вдруг согласился он. – Дай ручку и бумагу.

Сейчас напишу явку с повинной.

Подполковник пошупал его насмешливым взглядом, положил несколько листков и стержень от ручки. Мавр оторвал маленький клочок от уголка и написал восьмизначный литерный шифр.

– Шуруй к начальнику. И время на все про все – полчаса. Правительственная связь должна быть в этом же здании. Может, еще на поезд успеем... Да! И чтобы жену мою доставили на перрон, проводить. Это в качестве контрибуции, за оторванные погоны и оскорбленные чувства.

Рябов посмотрел на бумажку, потом на него: должно быть, что-то слышал о подобных шифрах, но никогда с ними не сталкивался.

– И куда мне с этим прикажете?

– К начальнику, олух царя небесного!

– А ему куда?

– В свою московскую контору, должно быть. Не знаю, какой теперь отдел занимается. Найдет, не маленький!

Рябов для порядка помедлил и все-таки позвал лейтенанта в форме, посадил в своем кабинете присматривать за генералом и удалился. Мавру надоело играть в переглядки со своим стражником, он осторожно стянул газету со стола и сделал вид, что читает.

В последний раз он пользовался шифром в восемьдесят первом, когда они ходили с Радобудом искать затонувшие древнегреческие суда. Легли спать в своих, а проснулись в нейтральных водах и были задержаны пограничниками, которых сильно смутило водолазное оборудование на борту катера. Тогда их мытарили четыре дня и, когда возбудили уголовное дело, пришлось раскрыться.

К назначенному времени подполковник не успел, и вернулся, когда до отправления поезда осталось семь минут, причем не один – с начальником управления, тем самым тучным, широким мужчиной в гражданском. Мавр встретил их сидя, как полагается старшему по званию, да еще ногу на ногу положил.

– Ну и что, господа чекисты? Есть еще государственность в нашем отечестве?

Начальник прямо не смотрел на Мавра, как девица, отводил глаза, однако вместе с провинциальной стыдливостью в его редких, коротких взглядах чувствовалась настороженность и любопытство. Он подал руку, после чего выпроводил из кабинета Рябова и лейтенанта.

– Прошу прощения, товарищ генерал, – сказал в сторону. – Вы же знаете, в нашей работе никто не гарантирован от недоразумений. Если бы вы сразу предъявили шифр...

– Спасибо, что не сгноили в подвале, а только приморозили. Я же человек теплолюбивый...

– Извините, товарищ генерал, отопление еще не включили...

– Ладно, – оборвал Мавр. – Какие ваши дальнейшие действия?

– На наш поезд вы уже не успеваете, – заторопился начальник. – Посадим на Мурманский, через четыре часа. До станции Мудьюга отправим на машине.

– Слава Богу, еще не все развалили, – пробурчал Мавр. – Оказывается, еще зачатки государственности наблюдаются. А так бы сгноили в подвале... Где мой тесть Притыкин?

– Его сейчас доставят сюда.

- А моя жена?
- Извините, товарищ генерал, – начальник замялся. – Придется проститься здесь... Проблемы с конвоированием, нужен автозак... – и вдруг добавил со скрытым недовольством: – После событий девяносто третьего МВД усилилось, наша служба на втором плане...
- Ну что же, простимся здесь...
- В Москве вас встретят! – оживился он. – Все будет в лучшем виде.
- Зачем это? – Мавр насторожился. – Это лишнее, отмените.
- Помогли бы перебраться с вокзала на вокзал: Притыкин – инвалид, на метро с вещами...
- Чья инициатива? Московская?
- Просили сообщить номер вагона, поставить в известность начальника поезда. И наказать проводникам, чтоб присматривали...

4

Скорята знал много больше, чем говорил: сказывались хохляцкие крови, не раз спасавшие его от наказаний во времена, когда еще служили они командирами взводов. У него был редкостный по мощи инстинкт самосохранения и ген жизнелюбия. Хортов об этом давно знал и ничего выпытывать не стал, добросовестно исполнил все просьбы законника и поехал к себе на Чистые Пруды.

По пути он зарулил на оптовый рынок, купил водки и продуктов для магарыча Кужелеву, и когда вернулся к машине, обнаружил возле нее пожилую цыганку в очках с толстыми стеклами и высокой палкой в руках. Опираясь на нее, она смотрелась в лобовое стекло, как в зеркало, и что-то бормотала. Бросился в глаза ее наряд – не пестрый и неряшливый, как обычно бывает у московских цыганок, а вполне приличный, из тончайшего, отглаженного шелка зеленых и бирюзовых тонов, грудь была увешана множеством ниток настоящего жемчуга, мочки ушей оттягивали огромные и причудливые золотые серьги, напоминающие свитые листья, на запястьях позванивали десятки браслетов в виде сплетенных в косички колец.

И только шуршащая под ветерком цветастая шаль с кистями, наброшенная на плечи, показалась банальной и дешевой. Она стояла и рассматривала его с типичной цыганской непосредственностью – выбрала жертву и собиралась пристать с гаданием.

Хортов открыл машину, сложил пакеты на заднее сиденье.

– Здравствуй, странник, – вдруг сказала она. – Как поживаешь?

– Я не странник, – обронил Андрей, усаживаясь за руль.

– Значит, бродяга!

– Найди себе другую жертву. Смотри, сколько людей вокруг!

– Еды купил, вина – гостя ждешь. А гость твой – военный. Но ты его не любишь, и привечать нужда заставляет.

Он запустил двигатель, сказал добродушно:

– Отойди, а то задавлю ненароком.

– Опасность тебе грозит. Смотри, берегись черных людей!

– Вот я и берегусь! Иди с дороги!

– Я не черная, я седая. Меня можно не бояться. И послушай старую цыганку. – Она приблизилась к дверце и склонилась, опираясь на пачку. – Не разгребай муравейника, не отнимай у насекомых яйца, без толку все. Не успеешь оглянуться, снова построят, отложат новых деток и тебя покусуют. Не там ты счастье ищешь.

– Все равно не буду гадать у тебя, не старайся.

– Отчего же так?

– Не хочу знать, что будет.

– У тебя денег нет. – Она позвенела браслетами, вставляя палку в колесо. – Откуда у бродяги деньги?.. Впрочем, мне и не надо. Видишь, сколько золота? Я богатая.

– Да и я не бедный! – Хортов включил передачу. – Гляди, какая у меня машина!

Он отпустил педаль сцепления, но «БМВ» вдруг дернулся, и двигатель заглох.

– Хорошая машина, красивая, да только не твоя. Дареная она. И не от души.

Андрей погонял стартером мотор – никакого эффекта.

– Ну это уж слишком!

– Ну не расстраивайся! – засмеялась она, брэнча своими цацками. – Уедешь еще, не торопись.

– С чего ты взяла, что подарена не от души? – ощущая беспокойство, спросил Хортов.

– Я вижу! Но это ничего. Если по пеплу на ней проехать, проклятие снимется.

Хортов отчего-то заволновался, и чтобы скрыть свои чувства, высунулся в опущенное стекло и прорычал:

– Ну все, ушла! Быстро!

– Ай, какой грозный! – засмеялась цыганка. – Будто мне это надо! Сам страдаешь, места себе не находишь. Работа не идет, картины не рисуются.

– Тебе какое дело? – Он внезапно увидел посох в колесе и так же внезапно решил, что не может тронуться с места из-за этой палки. Мысль была сумасшедшая, но в то мгновение показалась совершенно реальной.

– Как же, любезный мой? – весело возмутилась цыганка. – Есть до тебя дело. Неужели забыл меня?

– Отойди!

– А ну-ка, вспомни, как ты однажды в лес ходил? Муравьиные яйца добывать, чтобы курочек покормить. Ну, в Итатке-то, вспомни? В черном осиновом лесу? И было там три дороги...

– Убери палку, – шалея от ее слов, попросил Андрей.

– Эх, бродяга! – вздохнула она и вынула посох из колеса. – Ну что же, езжай, раз испугался. Но пора бы тебе избавиться от детских страхов. Вон какой взрослый стал...

Хортов в тот же миг запустил мотор и прислушался к звуку – все в порядке. Включил скорость и едва тронулся с места, как цыганка что-то метнула в кабину сквозь проем дверцы с опущенным стеклом.

– Тебе на память! – крикнула вдогонку. – От души! Чтоб не забывал свое древо!

Он не стал смотреть, что это было, выехал со стоянки и дал газу. Но неведомый предмет, залетевший в салон и упавший куда-то вниз под пассажирское сиденье, притягивал внимание и вызывал не любопытство, а затаенный и в самом деле какой-то детский страх. В таком напряжении и с рассеянным вниманием он промчался до Таганки и там, угодив в пробку, не выдержал, сунул руку вниз и стал шарить по коврику.

Еще не увидев подарка цыганки, а едва лишь коснувшись его пальцами, он понял, что это витой браслет с руки! Массивный, увесистый и приятный на ощупь. Он боялся вытащить его на свет, опасался даже взглянуть в ту сторону. Было полное ощущение, что он мгновенно исчезнет, потому что такого быть не может: цыганка не отняла – подарила золотой браслет!

Пробка была не мертвая, двигалась со скоростью пешего инвалида, с частыми нервными остановками, и Хортов, отвлекшись на этот чудесный подарок, чуть не врубился в переднюю машину. Браслет он вынул непроизвольно, схватившись за руль, и на удивление, он не пропал, остался в руке и, ярко блеснув на солнце, приковал взгляд. Хортов не особенно-то разбирался в драгоценных металлах, однако тут не надо было идти к ювелирам: скорее всего, это было то самое червонное золото, причем изделие искусной работы. Красноватая косичка из восьми прядок была сплетена безукоризненно, а каждая прядка свита из множества тончайших колец, и так плотно, будто отлито в форме. При нажатии браслет становился овальным и распрямлялся, словно пружина, однако же выглядел как монолит.

А главное, его можно было надеть на руку: по крайней мере сложенная в трубочку ладонь пролезала наполовину, и еще небольшое усилие, браслет оказался бы на запястье.

Таких штучек на цыганке было точно десятка два!

Зачарованный и слегка ошалевший, он разглядывал его до тех пор, пока не заметил, что слева, из «японца» с правым рулем, на него тарашится какой-то бритый парень бандитского вида и находится совсем рядом, в полуметре, и при этом притирает машину еще ближе, так, что боковые зеркала почти касаются. Запросто может протянуть руку и выхватить подарок! Хортов отвернулся, спрятал браслет в бардачок, но тут же спохватился и засунул в карман брюк.

И вдруг вспомнил – это ведь было! В Итатке мать держала кур, там все что-нибудь держали, и он ходил за муравьиными яйцами, чтоб куры лучше неслись. И заплутал у военного

городка, за солдатскими огородами, в черном, горьком осиннике... Пожалуй, лет семь ему было, это же стыдобища, блудить за поскотиной в таком возрасте!..

И самое главное, об этом никто не знал и знать не мог! Тогда его вывела какая-то женщина, показала сквозь мелколесье танковую директрису и подтолкнула в спину.

Ни лица, ни возраста он не запомнил, но если эта цыганка знает, то она и была!

Хотя, как можно узнать во взрослом мужчине семилетнего ребенка?

И этот браслет...

Да это же знак!

Он втиснул машину в крайний левый ряд, круто развернулся и погнал назад, в Кузьминки. Возле рынка «Афганец» он встал на старое место и выскочил из кабины – цыганки не было. Андрей прошел вдоль забора до входа, покрутился между машинами на стоянке, возле киосков на противоположной стороне – нету. Тогда он зашел на рынок, помотался между рядами, но от одного вида загроможденной палатками площади начал скисать. Раздвигая животом толпу, мимо прошел человек с огромной трубкой в зубах и целеустремленным видом, невзначай толкнул плечом и, сделав три шага, обернулся.

– Кого ищешь, дяденька? – спросил сквозь стиснутые зубы и шваркнул трубкой, как селезень.

– Цыганку, – сказал Хортов. – Недавно здесь ходила цыганка, ухоженная такая, с браслетами...

Тот переложил тяжелую сумку из руки в руку, достал изо рта трубку.

– Цыганка? С браслетами?.. Пошли.

Андрей покорно двинулся за широкой спиной в синей майке, как за волнорезом. Пробив толпу, он вывел с рынка и повлек в сторону кинотеатра. За углом забора остановился и указал мундштуком на целый ряд цыганок, торгующих тряпьем.

– Выбирай, которая?

Ни по возрасту, ни по виду не было ни одной похожей, и золота на них – кот наплакал.

– Здесь ее нет...

– Значит нет, – согласился добровольный помощник. – Ты, если что, обращайся к Петровичу.

И тут же неторопливо скрылся за углом. А цыганки уже сделали стойку, заговорили разом, и некоторые повскакивали с мест.

– Молодой-красивый! Кого ты ищешь? Иди сюда, всю правду скажу!..

Хортов поднял руку, показал браслет.

– Кто из вас знает цыганку с такими побрякушками?

Они вначале потянулись, чтоб посмотреть, но в следующую минуту случилось невообразимое – на прожженных московских воровок и мошенниц напал шок. Немая сцена длилась полминуты, не меньше, после чего цыганки стали распрямляться, некоторые попятись на свои места, но пепельная окаменелость будто впечаталась в смуглые лица.

– Кто знает? – повторил Андрей и выше вскинул руку.

И словно галок вспугнул, стали закрывать лица шальями.

– Нет, не знаем! – загалдели. – Не видели! Убери, убери запястье!

В тот момент он не ведал истинной причины такого переполоха, но был абсолютно уверен, что они знают – если не цыганку, то такие браслеты видели точно и разбираются в их назначении либо скрытом смысле. И одновременно понял, что у этих лукавых женщин никогда не добиться правды.

Под их торопливую, гомонящую речь на цыганском языке он развернулся и подался к машине.

Домой он попал лишь к девяти вечера, и вместо того чтобы готовиться к приезду гостя, около полчаса разглядывал браслет, вспоминая детали встречи с цыганкой. И чем дольше

думал об этом, тем более утверждался в мысли, что все случившееся – не затмение разума, а прикосновение к прошлому, возвращение к детским дремотным грезам. И этот браслет, напугавший цыганок, надо расценивать, как знак, только неизвестно чего. Он машинально надел его на руку.

Кужелев пока не приходил, и потому он пошел в комнату, открыл платяной шкаф и стал доставать полотна, сложенные пачками у задней стенки. Он спешил и потому сразу же отсортировывал, ненужные складывал обратно, а выбранные расставлял полукругом по комнате. Нельзя было сказать, что это портреты, ибо у них не было натуры; скорее всего, полотна напоминали умозрительные картины, где присутствовало человеческое лицо, а то и фигура, и потому они казались выдуманными и плосковатыми. Но только для чужого глаза!

На всех девяти расставленных портретах были изображены женщины разного возраста, этакий фольклорный ансамбль в национальных нарядах. Сначала Андрей внимательно всмотрелся в каждое лицо, после чего поставил на пол и включил настольную лампу. Поворачивая ее перед каждым полотном, он находил такое положение света, когда возникал стереоэффект, и тогда сам начинал двигаться, чтобы уловить точку объемного зрения и тем самым оживить нарисованных людей.

Цыганка оказалась на четвертом портрете слева, только наряд был другой, из украшений – лишь кольца и нож на груди, осыпанные крупными бриллиантами и зеленью изумрудов.

И годами была помоложе лет на двадцать...

Хортов так обрадовался, что забыл о госте, а он позвонил в самую неподходящую минуту. Пришлось закрывать дверь в комнату, чтоб ничего не увидел. В последний момент вспомнил о браслете на руке, попробовал снять – никак! Словно клешня наручников, аж впился в запястье...

Между тем Кужелев трезвонил и уже постукивал ногой. И времени было половина одиннадцатого!

«Достоверный источник» из ФСБ вошел, как всегда, в показном приподнятом и злорадном настроении. Еще в Германии он поставил в верхней челюсти три золотых коронки, и эта эковская улыбка еще больше подчеркивала его циничный, мефистофельский взгляд на мир. В ЗСГВ Хортову пришлось общаться с ним месяца три, но и этого хватило, чтобы почувствовать, как меняются собственные взгляды на службу, начальство, женщин, вино и жизнь вообще: нигилизм Кужелева оказался прилипчивым, как паутина в темном подвале. Это он, оставляя на своем месте пехотного старлея, еще в восемьдесят девятом году загонял его в угол своими, тогда дикими, речами.

– Через пару лет от Варшавского договора останутся лохмотья. Вся западная социалистическая шушера побежит сдаваться в НАТО. Немцы в первую очередь! Пятнистый ведет секретные переговоры, сдает Западу жизненное пространство России. Нельзя допускать объединение Германии. Рассеченная змея, срастаясь, становится еще опаснее. Рухнет соцлагерь, придет конец и СССР. Вот здесь, где мы стоим, будут американские военные базы, а их корабли зайдут в Балтику. И что останется от итогов Второй мировой?

Хортов был уверен, что это провокация и сверкающий фиксами капитан проверяет его на вшивость, и потому оставлял подобные речи без ответа. Тогда он ничего этого не чувствовал, не знал, да и знать не мог, поскольку для десантно-штурмового батальона, где служил Андрей, союзнические отношения были прочны и незыблемы, Советская власть вечна, партия сильна и мудра, а Красная Армия непобедима.

Он и в самом деле почти забыл о существовании золотозубого капитана, вернее, хотел забыть, но все, что прилипло от него, вросло, как ноготь на пальце: болело, мешало ходить, однако и помогало выживать в пору великих потрясений. Когда после возвращения в Москву Андрей разыскал его и позвонил, Кужелев заговорил так, словно вчера только расстались. И помнил ведь все свои слова!

– Ну что, пехота, сдали Берлин? Опять до Москвы отступаем? Слышал, флот США уже на Черном море?

Сейчас он приехал вроде бы на магарыч, но выпивку и закуску привез с собой, ибо терпеть не мог халявы. Хортов провозился с картинами и на стол ничего собрать не успел, потому кинулся распаковывать продукты, однако полковник глянул на суету хозяина, отстранил его и стал делать все по своему вкусу, то есть переставил посуду, утащил на кухню, на его взгляд, лишнее и вывалил на тарелки свои консервы от горошка до тушенки. Разлил водку и тут же выпил, стукнув рюмкой по стоящей рюмке Хортова.

– Ну и чем закончилась встреча с законником? – спросил он, с аппетитом закусывая рыбой, мясом и консервированными абрикосами одновременно.

– Получил дельный совет завести ангела-хранителя, – сообщил Андрей.

– Послал бы ты его...

Кужелев в принципе не был знаком со Скорятой и знал о его существовании лишь по некоторым поступающим из прокуратуры документам да от Андрея. И то ли ревновал, то ли относился к надзирающим законникам с предубеждением оперативного работника – по крайней мере, близко знакомиться не захотел.

– Новости-то последние доложил? – Полковник выпил еще рюмку и закурил вместо закуски.

– В общем-то все, кроме пропажи акций из тайника под обоями.

– А кто тебе про акции сказал? – ухмыльнулся Кужелев, скрывая тем самым настороженность. – Адвокат Бизин, что ли? Когда ты заезжал на Арбат?

– Так точно.

– Значит, он был там? Вот стержовный старик! Наша наружка только в сортире не сидит... Ничего не скажешь, старая выучка. Что-нибудь о спецслужбах говорит?

– Он уверен, что их работа!

– Это нормально, – согласился Кужелев. – Бзик у него на секретных операциях. Везде ему чудятся заговоры, рука ФСБ... Ты ушел – он остался?

– Конечно. Дал визитку, ждет звонка.

– Ну, точно, через трубу вылетает! Был один?

– Да вроде бы...

– А то он с какой-то девкой еще ходит. С секретаршей. Так вообще: зайдут куда-нибудь и пропадают.

– Кто он такой?

– О, пехота! Вот бы про кого тебе написать. Роман получится! Сразу бы разбогател. Только он тебе ничего не расскажет. А дать его досье я тебе не могу при всем желании. Вообще-то он дипломат, знает десяток языков, работал в посольствах от Кубы до Малайзии, но все в брежневские времена.

– Ваш человек?

– Не наш! Но с разведкой, разумеется, связь имел, и самую тесную.

– Значит, предатель.

– Теперь уже не предатель, а борец с советским режимом. В качестве специального представителя вылетел в Канаду и там попросил политического убежища. Такой скандал случился в МИДе!.. Вернулся в девяностом году вместе с другими диссидентами и, как все, стал бороться за права человека. Сотрудничает с обществом «Сохнут». Бесплатно дает юридические консультации, защищает кое-кого в судах, хлопчет визы для иммигрантов...

– Как же он пролетел с визой для Кацнельсонов?

– Обдурить «Моссад» и миграционную службу очень трудно. Там же бывшие наши граждане работают. Это я тебе как профессионал говорю. Впрочем, кто его знает, может, и не про-

летел, – вдруг сверкнул золотом зубов полковник. – Может, сам все устроил, кто его знает. Бабка надвое сказала...

– Думаешь, это с его ведома грохнули старика и обчистили тайник?

– Да что ты! Бизин не наводчик, это для него мелко... Надурили его крепко! Вернее, обоих со стариком. А вот обидчика он знает. Должен знать, обязан!

– Известно, куда он ездил в командировку?

– В Переделкино, по Киевскому направлению.

– У вас что, тотальная слежка за населением?

– Живет он там! – Кужелев усмехнулся, выпил рюмку и засобирился. – Купил писательскую дачу, сделал евроремонт, сигнализацию... Все, пора! Я же тоже на даче, между прочим, живу летом, и пилить мне через всю Москву, да от Кольцевой двадцать пять... – Его взгляд вдруг замер на браслете. – А это что такое у тебя?

– Да так, безделушка. – Хортов попробовал натянуть рукав рубашки. – Говорят, стабилизирует давление.

Будучи еще капитаном, Кужелев отличался бесцеремонностью, а в полковниках вообще обнаглел. Он схватил руку Хортова, покрутил кисть, разглядывая браслет, и присвистнул.

– Ну да! Когда на руке безделушка граммов на сто золота особой пробы, давление будет идеальным... Подарок жены?

Хортов обрадовался подсказке.

– А чей еще? У богатых свои заморочки. Сама ходит, как ювелирный магазин, и мне теперь... И почему ее до сих пор никто не ограбил?

Полковник, конечно, не поверил, хмыкнул, скосил глаз.

– Ладно уши притирать, пехота. Штучка-то женская.

– А мне откуда знать? Это ты у нас специалист по драгоценностям.

Чувствовалось, Кужелеву было неуютно в доме: почему-то говорил и озирался, тянул носом воздух, будто пожар чуял.

– Слушай, пошли на воздух, что-то у тебя душно...

– погоди, ты мне еще ничего не сказал. – Хортов встал посреди коридора. – Не выпущу, пока не выпотрошу.

– Это ты про что?

– Мы же договорились. Что мне делать с материалом?

– С каким?

– Про смерть старого авантюриста! Про настоящую смерть, не от инсульта.

– Ты что, писать об этом собрался?

– Меня интересуют только акции. И больше ничего.

– Мне о них ничего не известно. – Полковник потряс ключами от автомобиля: – Слышал звон?

– Врешь. Вы оба с законником врите! Если информация закрытая, так и скажи. Я вижу, ты же выкручиваешься, и это у тебя плохо получается. Даже зубы не блестят.

– Это я мало выпил. Но больше не могу, за рулем как-никак... Бывай, я поехал!

– Ну так выпей. И расслабься. – Хортов потянул его к столу. – Напросился на магарыч, а сам деру? Садись!

Кужелев неожиданно подчинился, однако к столу не сел – достал из кейса, как показалось, сотовый телефон, открыл дверь в комнату и встал в проеме. Картин на полу он не заметил, потому что был занят прибором – поигрывал пальцами на кнопках и смотрел на табло.

– Ты что? – спросил Андрей, наливая водки.

Тот поднял палец, и в это время приборчик в его руке издал неприятный переливистый свист, похожий на звук фонирующего микрофона. Хортов подошел к полковнику и заглянул через плечо: это был портативный сканер с рамочной антенной.

Тем временем Кужелев приблизился к окну, перешагнув полотно, поднес прибор к металлическим карнизам и глянул выразительно, мол, комментарии излишни. Встал на табуретку и стал тщательно исследовать алюминиевый профиль, светил фонариком, подносил зеркальце, чтоб увидеть, что внутри, наконец, осторожно спустился, снял с вешалки пиджак Андрея и, сунув ему в руки, открыл дверь.

Он был возмущен или даже взбешен; в этом непривычном для него состоянии готов был ломать и крушить все вокруг. В машине он так хлопнул дверцей, что отлетела пластмассовая накладка.

– Как же я сразу не врубился? Ведь чуял!.. Профессиональная работа, японская закладка на суперпитании. Год пролежит, хоть бы что...

– Кто прослушивает мою квартиру? Ваши?

– Откуда я знаю?!.. Замок открывал, все нормально?

– Вроде бы... Как-то внимания не обратил, думал... – Он чуть не проговорился о цыганке.

– Наш с тобой контакт срисовали, вот что плохо. А если это наша служба безопасности?

– Ты не можешь определить, чья закладка?

– Кто ее определит?.. На одном рынке покупаем. У нас используются точно такие. Не дай бог, наши вложили...

– Что-то ты осторожный стал...

– Ботинки жмут, на размер меньше выдали.

– Но в машину тебе не всадили клопа!

– Кто их знает...

– Так что с акциями?

– Ничего. – Кужелев покрутил головой, осматриваясь. – Их не существует. Якобы. Тайна империи, покрытая мраком.

– Бывшей империи?

– Слушай, пехота... Дело это темное, потому параллельно с нами взялась за него и контора при администрации президента. Не исключено, что они и слушают тебя, зная наши контакты... Эх, надо было давно проверить твою квартиру!

– Может, они сами акции ищут? В этой конторе?

– Пенки они снимают! У них там полтора специалиста, остальные бывшие политработники и менты. Мы раскрутим – они себе палку нарисуют.

– А кто же старика и адвоката надурил?

– Это я сказал, надурили?

– Ты!

Он подумал, поборолся с собой и, облокотившись на руль, вздохнул:

– Жмут ботинки... А раньше поскрипывали.

Хортов не стал ничего уточнять, незаметно ощупал браслет: кажется, передавило сосуды и рука начала отекает.

– Обувь разношивать надо, – посоветовал он. – Растаптывать.

– Ты мне лучше скажи, умник, где браслетик взял?

– Ну а если не скажу?

Кужелев пожал плечами.

– В общем-то как хочешь... Только он из контрабандной партии. Таможня засекала ее в Шереметьево, количество изделий неизвестно, а вес около двадцати семи килограммов. Товар шел из Индии, внаглую перевозили. Дали команду пропустить, чтобы выйти на получателя, а золото исчезло прямо в аэропорту... Это первый выплывший браслет, а у меня дело с прошлого года висит. Теперь хоть могу количество посчитать. Двадцать семь килограммов разделить на сто граммов, сколько будет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.